Сто лет и чемодан денег в придачу

Автор:
Юнас Юнассон

Сто лет и чемодан денег в придачу

Юнас Юнассон

В дом престарелых прибывает на торжественный обед по случаю столетия господина Карлсона местный начальник, но не любящий шумихи юбиляр в тапочках вылезает в окно и исчезает. За первый час свободы он успевает ограбить бандита-рэкетира, и теперь за стариком гонятся и полиция, и бандиты. Но Аллан Карлсон не впервые попадает в переделку и не теряет оптимизма и чувства юмора – авантюрист и специалист по бомбам и взрывам, он живет по принципу «все есть как есть, а будет как будет». Аллан не загадывает вдаль, не интересуется политикой, не ищет славы, но оказывается чуть не ключевой фигурой всех важнейших событий двадцатого века: он на короткой ноге с Трумэном, он ужинает со Сталиным, его снабжает деньгами Мао Цзэдун, к нему прислушивается Оппенгеймер. В этой очень веселой сказке для взрослых Юнас Юнассон успевает посмеяться над детективом, романом воспитания, семейной сагой, сентиментальной любовной историей и предложить свою версию истории двадцатого века, ни на секунду не прерывая захватывающего повествования с погонями, побегами и подкупами. Знаменитый режиссер комедийных сериалов Феликс Хернгрен сейчас снимает по этому роману, второй год остающемуся самой продаваемой книгой в Швеции, фильм.

Юнас Юнассон

Сто лет и чемодан денег в придачу

© by Jonas Jonasson 2009

First published by Piratf?rlaget, Sweden

© Е. Чевкина, перевод на русский язык, 2011

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS ®

* * *

Вряд ли кто умел так заворожить слушателей своими историями так, как мой дед, мамин отец, когда усаживался на лавочку у крыльца, чуть подавшись вперед и опираясь на палку, с полным ртом табачной жвачки.

– Но дедушка, – изумлялись мы, внуки, – неужто все это так и было на самом деле?

– Кто одну правду сказывает, того и слушать не стоит, – отвечал дед.

Ему посвящается эта книга.

Юнас Юнассон

Глава 1

Понедельник, 2 мая 2005 года

Скажете, стоило определиться загодя и всем так и объявить напрямик, по-мужски? Да только Аллан Карлсон никогда особо долго не раздумывал.

Так что не успела мысль укорениться у него в голове как следует, как он распахнул окно своей комнаты на первом этаже интерната для престарелых в сёдерманландском Мальмчёпинге и вылез в цветник.

Маневр дался не без труда, что неудивительно: ведь Аллану в этот самый день как раз стукнуло сто лет. До того, как в общей гостиной интерната разразится празднование с угощением, оставалось меньше часа. Ожидалось присутствие муниципального советника. И местная газета. И всего остального старичья. И персонала в полном составе под командованием свирепой сестры Алис.

И только герой дня появляться там не собирался.

Глава 2

Понедельник, 2 мая 2005 года

Аллан Карлсон задумался, уже стоя среди гряды анютиных глазок, тянувшейся вдоль длинной стены интерната для престарелых. Одет он был в коричневый пиджак и коричневые брюки, на ногах имел коричневые тапки. Не законодатель моды, конечно, ну да в его возрасте законодатели моды встречаются не сказать чтобы часто. К тому же он находился в бегах – сбежал с юбилея, что тоже бывает не часто в его годы, во многом потому, что люди его лет тоже, в общем, попадаются не на каждом шагу.

А задумался Аллан над тем, имеет ли смысл карабкаться обратно только ради того, чтобы забрать шляпу и туфли. Однако, нащупав, что кошелек, по крайней мере, на месте, во внутреннем кармане, решил, что сойдет и так. К тому же сестра Алис уже не один раз проявляла шестое чувство (где бы он ни прятал бреннвин[1 - Бреннвин – спиртное крепче 40 градусов. (Здесь и далее – прим. перев.)], она его неизменно находила) – а вдруг она как раз сейчас устроит обход и почует неладное?

Лучше сразу уходить и не тратить время, решил Аллан и, скрипя коленками, выбрался из цветника. В кошельке, сколько он помнил, лежала заначка в несколько сотенных, что хорошо, поскольку скрыться бесплатно может и не

получиться.

Он повернул голову и взглянул на интернат, который совсем еще недавно считал своим последним пристанищем на земле. И сказал себе, что помереть можно как-нибудь в другой раз и в другом месте.

Столетний юбиляр пустился в дорогу в своих расписных тапках (названных так потому, что мужчины перезрелого возраста редко попадают дальше своей обуви, когда писают). Сперва по парку, потом по открытому полю, где изредка устраивают ярмарку в обычно таком тихом городке. Через пару сотен метров Аллан зашел за средневековую церковь – главную местную достопримечательность – и опустился на скамью возле нескольких могильных памятников, чтобы дать коленкам успокоиться. Общий градус религиозности в окрестностях позволял рассчитывать, что Аллана там побеспокоят не скоро. Напротив скамейки, где сидел Аллан, по иронии судьбы оказалось надгробие его одногодка, некоего Хеннинга Альготсона. Разница между ровесниками состояла в том, что Хеннинг скончался шестьюдесятью одним годом раньше.

Другой бы на месте Аллана, наверное, задумался, с чего бы этот Хеннинг вдруг взял и помер всего тридцати девяти лет от роду. Но Аллан не имел привычки совать нос не в свое дело, когда без этого можно обойтись, а обойтись, как правило, бывало можно.

Зато он понял, как ошибался, когда, сидя в доме престарелых, мечтал поскорее умереть. Ведь до какой степени и где бы у тебя ни болело, все равно куда интересней и познавательней удирать от сестры Алис, чем смирно лежать под двухметровым слоем земли.

Тут именинник поднялся, пересилив ломоту в коленях, попрощался с Хеннингом Альготсоном и продолжил свой не вполне спланированный побег.

Аллан двигался через кладбище курсом на юг, пока на его пути не оказалась каменная изгородь. Высотой не выше метра, но и Аллан был столетним юбиляром, а не прыгуном в высоту. По ту сторону изгороди маячил мальмчёпингский автовокзал, и тут старик сообразил, куда именно несут его дряхлые ноги. Однажды, много лет назад, Аллан перешел через Гималаи. Вот тогда и правда тяжко пришлось. Так подумалось Аллану, пока он стоял у

последней преграды, отделявшей его от автовокзала бюро. Причем подумалось с такой силой, что изгородь на глазах стала сокращаться в размерах. Так что когда она совсем уменьшилась, Аллан успешно ее одолел, несмотря на возраст и колени.

Давка на улицах Мальмчёпинга случается не каждый день, и в тот, весенний и солнечный, ее тоже не наблюдалось. С тех пор как Аллан внезапно принял решение не появляться на собственном юбилее, он не встретил ни единой живой души. В зале ожидания, куда Аллан прошаркал в своих тапках, тоже оказалось почти пусто. Но только почти. В центре зала в два ряда стояли скамейки, спинка к спинке. Все места были свободны. Справа находилось два справочных окошка, одно было закрыто, а за другим виднелся тощий маленький человечек в круглых очечках, с зачесанными набок редкими волосами и в форменной куртке. Когда Аллан прошествовал в зал, человечек оторвался от монитора и озабоченно поднял на него глаза. Наверное, подумал, какой выдался напряженный день: Аллан как раз обнаружил, что он не единственный пассажир. А точнее – что в углу зала стоит долговязый малый с длинными светлыми сальными волосами, всклокоченной бородой и в джинсовой куртке с надписью «Never Again» на спине.

Читать малый пожалуй что не умел, судя по тому, как он дергал дверную ручку туалета для инвалидов: похоже, табличка «Закрыто», черными буквами по ядовито-желтому, ему не говорила ровно ничего.

Наконец он отступил-таки к соседней двери, но там тоже случилась незадача. Видно, молодому человеку очень не хотелось расставаться с громадным серым чемоданом на колесах, да только туалет для них обоих был слишком тесным. В такой ситуации, понимал Аллан, придется либо оставить чемодан снаружи на время отправления нужды, либо, запихнув чемодан внутрь, остаться снаружи самому.

Впрочем, теперь Алану было не до того, чтобы вникать в заботы молодого человека. Вместо этого он, старательно переставляя ноги, маленькими шажками подошел к открытому окошку и поинтересовался у маленького человечка, нет ли какого-нибудь общественного транспорта, который шел бы в какую-нибудь сторону, неважно куда, в ближайшие несколько минут, и сколько в таком случае стоит проезд.

Человечек выглядел усталым. И на половине Алланова запроса, видимо, потерял нить, потому что после нескольких секунд раздумья спросил:

– А куда именно господин хотел бы попасть?

Аллан сделал второй заход и напомнил человечку, что цель поездки уже была названа, и в этом смысле она второстепенна по отношению к а) времени отбытия и б) транспортным издержкам. Человечек снова несколько секунд молчал, изучая расписание и проникаясь услышанным.

– Сто второй автобус отходит на Стрэнгнэс через три минуты. Годится?

Да, Аллану это вполне годилось, и тогда ему сообщили, что останавливается упомянутый автобус у самых дверей автовокзала и что удобнее приобрести билет непосредственно у водителя.

Аллан удивился, чем же тогда занимается человечек в окошке, если даже билеты не продает, но озвучивать вопрос не стал. Пожалуй, человечку и самому хотелось бы это знать. Так что Аллан только поблагодарил его за помощь и даже поднес было руку к шляпе, впопыхах забытой в интернате.

Столетний юбиляр опустился на одну из двух пустых скамеек наедине со своими размышлениями. Чертово празднование должно начаться в три часа, отсюда до интерната двенадцать минут ходу. В любую минуту там могут забарабанить в его дверь – вот цирк начнется! Виновник торжества усмехнулся про себя, одновременно уловив краем глаза, что к нему кто-то приближается. Это был как раз долговязый малый с длинными светлыми сальными волосами, всклокоченной бородой и в джинсовой куртке с надписью «Never Again» на спине. Малый направлялся прямиком к Аллану, ведя в поводу здоровенный чемодан на четырех колесах. Аллан понимал – есть немалый риск, что с длинноволосым предстоит разговор. А впрочем, может, оно и к лучшему: он как-никак узнает, чем живет и дышит нынешняя молодежь. Беседа и правда состоялась, хотя и не столь глубокомысленная. Малый остановился в нескольких метрах от Аллана, изучающее поглядел на него и изрек:

– Слышь, ты!

Аллан вежливо отвечал, что также желает собеседнику доброго дня, и поинтересовался, не может ли быть чем-либо полезен. Оказалось, что может. Малый хотел бы, чтобы Аллан приглядел за чемоданом, покуда его владелец отправит в туалете свои потребности. Или, как выразился он сам:

– Мне посрать надо.

Аллан любезно отвечал, что, несмотря на возраст и немощь, на зрение он не жалуется, так что присмотр за вещами молодого человека его совершенно не затруднит. Однако посоветовал молодому человеку поторопиться, поскольку Аллану никак нельзя прозевать свой автобус.

Последнего малый уже не услышал, поскольку ринулся в туалет, не дожидаясь, пока Аллан закончит свою мысль.

Столетний юбиляр не имел привычки злиться на других, ни просто, ни за дело, и на неотесанность малого не обиделся. Однако же и симпатией к нему тоже не проникся, а это в свою очередь повлияло на дальнейший ход событий, причем довольно быстро. Дело в том, что автобус подкатил к самым дверям автовокзала спустя всего несколько секунд после того, как малый закрылся в туалете. Аллан взглянул на автобус, потом на чемодан, потом снова на автобус, а потом снова на чемодан.

– У него же колесики, – сказал он себе. – И ремень, за который тянуть.

И неожиданно для себя принял, прямо скажем, жизнеутверждающее решение.

Водитель автобуса оказался услужлив и любезен. Он помог пожилому человеку затащить большой чемодан в салон.

Аллан поблагодарил за помощь и вытащил кошелек из внутреннего кармана пиджака. Водитель поинтересовался, едет ли господин до самого Стрэнгнэса, а Аллан тем временем пересчитал наличность. Шестьсот пятьдесят крон купюрами и еще несколько монет. Аллан решил, что денежки лучше поберечь, поэтому достал купюру в пятьдесят крон и спросил:

– Докуда этого хватит, как вы думаете?

Водитель усмехнулся: обычно люди знают, куда им надо, но не знают, сколько это стоит, а теперь вот наоборот. Потом глянул в свою табличку и сообщил, что за сорок восемь крон можно доехать до платформы Бюринге.

Аллана это устроило. Он получил билет и две кроны сдачи. Свежеукраденный чемодан водитель поместил в багажное отделение позади кабины, а сам Аллан уселся на первом сиденье справа. Отсюда был виден зал ожидания автовокзала. Когда водитель включил передачу и тронулся с места, дверь туалета по-прежнему оставалась закрыта. И Аллан пожелал малому самых приятных минут – с учетом того разочарования, которое поджидало его за дверью.

Автобус на Стрэнгнэс в этот день тоже не был набит битком. На предпоследнем месте расположилась женщина средних лет, севшая во Флене, в середине салона – молодая мама, вскарабкавшаяся в автобус в Сульберге вместе с двумя детьми, причем один из них был в коляске, а впереди – весьма и весьма пожилой мужчина, который вошел в Мальмчёпинге.

Последний как раз сидел и раздумывал, почему он все-таки украл этот большой серый чемодан на четырех колесиках. Может, потому, что все к тому располагало? И потому, что его владелец грубиян? Или потому, что в чемодане, возможно, есть туфли или хотя бы шляпа? Или потому, что терять старому человеку, в сущности, нечего? Нет, найти ответа Аллан не мог. Но когда живешь уже сверхурочно, то можно позволить себе некоторые вольности, подумал он и успокоился.

В три часа автобус миновал Бьёрндаммен. Аллан отметил, что покамест развитие событий его устраивает. И закрыл глаза, чтобы, как всегда в это время, слегка вздремнуть.

В тот же самый миг сестра Алис постучала в дверь комнаты в мальмчёпингском интернате для престарелых. Потом постучала еще. И еще.

– Хватит капризничать, Аллан. Муниципальный советник и все остальные уже тут. Слышишь? Надеюсь, ты не приложился опять к бутылочке, а, Аллан? Выходи, Аллан! Аллан?

Примерно в то же время распахнулась дверь единственного на тот момент работающего туалета мальмчёпингского автовокзала. Оттуда вышел малый, облегчившись, как оказалось, в обоих смыслах. В несколько шагов он достиг середины зала ожидания, одной рукой поправляя ремень, а другой проводя по волосам. Тут он остановился и уставился на два ряда пустых скамеек, затем глянул направо, потом налево. После чего произнес вслух:

– Да дьявола же в душу беса мать…

Потом он перевел дух и пошел на второй заход:

– Ну, ты у меня сдохнешь, старый хрен. Дай только до тебя доберусь.

Глава 3

Понедельник, 2 мая 2005 года

После трех часов дня покой надолго покинул Мальмчёпинг. Сестра Алис, перепугавшись вместо того, чтобы рассердиться, воспользовалась общим ключом. Поскольку Аллан не принял никаких мер к тому, чтобы замаскировать свое бегство, то констатировать, что именинник вылез через окно, труда не составило. После чего он, судя по следам, потоптался среди анютиных глазок, а потом исчез.

Муниципальный советник решил, что по должности ему подобает взять командование на себя. И отрядил на поиски персонал интерната группами по два человека. Далеко уйти Аллан не мог, и поисковым группам следовало сосредоточить усилия на самых ближайших окрестностях. Одну командировали в парк, одну – в государственную винную монополию (куда, по уверениям сестры Алис, Аллан иногда захаживал), одну – в другие магазины на Центральной улице, а одну – в местный краеведческий музей-усадьбу на холме. Сам же советник решил, что ему следует остаться на месте и приглядеть за остальным старичьем, пока и оно не разбежалось, а заодно обмозговать дальнейшие шаги. Поисковые группы он призвал по возможности не привлекать к себе внимания: ни к чему поднимать шумиху без особой надобности. В общей суматохе

муниципальный советник упустил из виду, что одна из поисковых групп, высланных на задание, как раз состоит из журналистки местной газеты и ее фоторепортера.

• • •

В число первоочередных районов поиска, очерченных советником, автовокзал не входил. Однако там по собственной инициативе проводила розыскные мероприятия, обшаривая все возможные закоулки, поисковая группа в составе одного человека – очень сердитого долговязого малого с длинными светлыми сальными волосами, всклокоченной бородой и в джинсовой куртке с надписью «Never Again» на спине.

Поскольку ни деда, ни чемодана обнаружить не удалось, малый решительно шагнул к маленькому человечку в единственном открытом окошке с намерением добыть информацию касательно возможного маршрута старого хрена.

Маленький человечек хоть и успел уже, судя по всему, притомиться, однако профессиональной гордости не утратил. И потому разъяснил повысившему голос малому, что какое-либо вмешательство в частную жизнь пассажиров общественного автотранспорта совершенно недопустимо, после чего надменно добавил, что ни при каких условиях не собирается предоставлять малому затребованную последним конфиденциальную информацию.

Малый постоял молча, видимо мысленно переводя услышанное на человеческий язык. Затем переместился на пять метров влево, к не слишком крепкой двери в администрацию автовокзала. Даже не проверив, заперта она или нет, он с размаху распахнул ее внутрь при посредстве правого ботинка так, что брызнули щепки. Маленький человечек, даже не успев поднять телефонную трубку, которую схватил, чтобы вызвать подмогу, обнаружил, что уже болтается в воздухе перед малым, крепко схваченный за оба уха.

– Я хоть и не знаю, что за слово такое «конфиденциальный», зато у меня и сам, блин, дьявол, и мать его разговорятся, – сообщил малый, прежде чем плюхнуть человечка обратно на его винтящийся стул.

Далее малый объяснил, что именно он намерен произвести с причинным местом маленького человечка при посредстве молотка и гвоздя в случае, если маленький человечек не пойдет ему навстречу. Картинка получилась настолько живая, что маленький человечек тут же решил сообщить все, что ему известно, а именно, что искомый пожилой мужчина, скорее всего, уехал на стрэнгнэсском автобусе. А брал ли данный пожилой господин с собой чемодан, маленький человек сказать не может, так как шпионить за пассажирами не его дело.

После чего человечек умолк, дабы оценить, в какой мере малый удовлетворен услышанным, и нашел, что, пожалуй, информацию есть смысл немного дополнить. И сообщил, что на пути между Мальмчёпингом и Стрэнгнэсом имеется двенадцать остановок и что пожилой господин мог, разумеется, выйти на любой из них. На какой – это, видимо, знает водитель, который, согласно расписанию, будет тут в 19.10 того же дня на обратном рейсе, когда автобус проследует во Флен.

Тут малый уселся рядом с перепуганным человечком, уши которого пылали огнем.

– Подумать надо, – сказал он.

И подумал. А подумал он, что ему обязательно нужно вытрясти из человечка мобильный номер водителя автобуса и сообщить тому, что чемодан пожилого мужчины на самом деле краденый. Тут, правда, имелся риск, что водитель подключит полицию, чего малому не очень хотелось. К тому же особой спешки не было: если эта старая калоша намерена и дальше тащить с собой чемодан, то ей всяко придется ехать на поезде, автобусе или такси, если дед хочет добраться хоть куда-то дальше автовокзала в Стрэнгнэсе. Тогда появятся новые следы и отыщется кто-нибудь еще, кто, вися на собственных ушах, сообщит, куда дед направил свои стопы. В собственном умении уговорить собеседника поделиться знаниями малый не сомневался.

Продумав все это, малый решил дождаться названного автобуса и потолковать с водилой без особых церемоний.

А приняв решение, снова поднялся и подробно объяснил маленькому человечку, что именно случится с ним, его женой, детьми и домом, если тот обмолвится о состоявшейся беседе хоть полиции, хоть кому.

Ни жены, ни детей маленький человечек не имел, однако ему очень хотелось, чтобы в дальнейшем и его уши, и причинное место остались в большей или меньшей сохранности. Так что он поручился своей государственной транспортной честью, что не скажет никому ни слова.

И держал обещание аж до следующего дня.

• • •

Разосланные поисковые группы вернулись в интернат и доложили о полученных сведениях. Вернее, об отсутствии таковых. Муниципальному советнику интуитивно не хотелось подключать полицию, и он как раз обдумывал имеющиеся альтернативы, когда журналистка из местной газеты набралась смелости и спросила:

– А что господин муниципальный советник собирается предпринять теперь?

Муниципальный советник молчал в течение нескольких секунд, после чего сказал:

– Подключить полицию, разумеется.

Черт бы ее подрал, эту свободу прессы.

• • •

Аллан проснулся оттого, что водитель вежливо пихнул его в бок и сообщил, что они уже на остановке «Платформа Бюринге». В следующий миг водитель уже вытаскивал чемодан из передней двери салона, а следом, замыкая процессию, вылезал и Аллан.

Водитель поинтересовался, справится ли господин дальше сам, на что Аллан заверил его, что не стоит беспокоиться. После чего поблагодарил за помощь и помахал вслед автобусу, который покатил дальше по государственной трассе 55 в сторону Стрэнгнэса.

Вечернее солнце скрылось за обступившими Аллана высокими елями, и в тонком пиджачке и тапках стало зябко. Никакого Бюринге вокруг не наблюдалось, а тем более никакой платформы. Только лес, лес и лес, с трех сторон. А с четвертой – гравийный проселок, уходящий вправо.

Аллан подумал, может, в чемодане, который он так неожиданно прихватил с собой, найдется какая-нибудь теплая одежда. Но чемодан оказался заперт, и вскрыть его без отвертки или другого инструмента нечего было и рассчитывать. Оставалось только двигаться: не хватало только помереть от холода на обочине шоссе. К тому же опыт подсказывал, что это все равно вряд ли получится.

Зато у чемодана с торца имелся ремень, и если тянуть за него, то чемодан катился на своих колесах как миленький. И Аллан двинулся по проселку через лес мелкими шаркающими шажками. А следом за ним запрыгал по гравию чемодан на колесах.

Спустя пару сотен метров Аллан обнаружил то, что, как он понял, и являлось платформой Бюринге – заброшенное станционное здание возле очень заброшенного железнодорожного полотна.

Аллан, несомненно, являл собой выдающийся экземпляр внутри своей возрастной когорты, но даже для него выходило как-то многовато приключений за такое короткое время. Так что он уселся на чемодан, чтобы собраться с мыслями и с силами.

Наискось налево желтело обшарпанное двухэтажное вокзальное строение, причем все окна первого этажа были заколочены горбылем. Наискось направо вглубь окружающего леса уходила заброшенная железнодорожная ветка, прямая, как стрела. Природа еще не успела доглодать рельсы, но это, судя по всему, было делом времени.

Деревянная платформа доверия не внушала. На крайней доске по-прежнему виднелась выведенная краской надпись «По путям не ходить». По путям ходить теперь совсем не опасно, подумал Аллан. А вот кто в здравом уме рискнет пройти по платформе?

Ответ не замедлил себя ждать, потому что в следующий миг ветхая дверь вокзального здания распахнулась и показался мужчина лет семидесяти, с

карими глазами и черной щетиной на подбородке, в кепке, клетчатой рубахе и черной кожаной куртке. Доскам платформы он, по-видимому, вполне доверял – судя по тому, что все его внимание было обращено к стоявшему перед ним старику.

Тип в кепке остановился посреди платформы с видом крайне неприветливым. Но потом вроде бы чуть отмяк, возможно, увидев, какая дряхлая человеческая особь вторглась в его владения.

Аллан по-прежнему восседал на свежеукраденном чемодане, не зная, что сказать, и не решаясь об этом сообщить. Он лишь пристально смотрел на типа в кепке, дожидаясь первого хода с его стороны. Каковой и воспоследовал, причем оказался совсем не таким угрожающим, как можно было подумать. Скорее осторожным.

– Кто ты такой и что делаешь на моей платформе? – спросил тип в кепке.

Аллан не ответил; он еще не определился, кто перед ним – враг или друг. Но решил, что неразумно будет ссориться с единственным имеющимся в поле зрения человеком, способным впустить тебя в теплый дом, пока совсем не похолодало. И решил поэтому выложить все как есть.

Аллан сообщил, что зовут его Аллан, что ему ровно сто лет, но он для своего возраста вполне бодр, то есть настолько, что как раз теперь находится в бегах из дома престарелых; что он, кроме того, успел украсть чемодан у одного малого, который наверняка не испытывает по этому поводу особой радости, а также поведал о собственных коленях, находящихся в настоящий момент не в лучшей форме, по каковой причине Аллану очень и очень хотелось бы воздержаться в ближайшее время от дальнейших пеших прогулок.

Изложив все это, Аллан умолк, по-прежнему сидя на чемодане и ожидая вердикта.

– Ах, вон оно как, – тип в кепке заулыбался. – Так ты ворюга!

– Старый ворюга, – угрюмо уточнил Аллан.

Мужик в кепке ловко соскочил с платформы и направился к столетнему гостю, чтобы разглядеть его поближе.

– Тебе что, правда сто лет? – спросил он. – Тогда ты, наверное, проголодался?

Аллан не уловил, каким образом второе вытекает из первого, однако есть ему и правда хотелось. Так что он спросил, что, собственно, имеется в меню и не включает ли оно часом и выпивку.

Тип в кепке протянул руку, представился Юлиусом Юнсоном и помог пожилому гостю принять вертикальное положение. После чего сообщил, что поможет Аллану поднести чемодан, что на ужин предполагается лосиный стейк, если нет возражений, а выпивка к нему будет непременно, так что хватит и коленки поправить, и все остальное туловище.

С громадным трудом Аллан вскарабкался на платформу. Судя по резкой боли в суставах, он по-прежнему был жив.

Юлиусу Юнсону было не с кем поговорить несколько лет подряд, поэтому старик с чемоданом оказался долгожданным гостем. Стопочку за одно колено, потом за другое, потом еще парочка – за спину и за шею – плюс еще одна для аппетита в совокупности располагали к беседе. Аллан спросил, чем Юлиус живет, и услышал в ответ целую историю.

Юлиус родился на севере, в Стрёмбакке, недалеко от Худиксваля, и был единственным ребенком в семье фермеров Андерса и Эльвины Юнсон. Он батрачил на семейной ферме и ежедневно получал трепку от отца, державшегося мнения, что Юлиус ни на что не годен. Но в год, когда Юлиусу стукнуло двадцать пять, мать умерла от рака, о чем Юлиус очень горевал, а сразу после этого отец утонул в болоте, пытаясь вытащить оттуда телку. Юлиус и об этом тоже горевал, потому что к телочке уже успел привязаться.

Талантов к сельскому хозяйству у молодого Юлиуса не обнаружилось (тут отец оказался прав), как и особого желания этим хозяйством заниматься. Так что он продал всю землю, кроме нескольких гектаров леса, которые оставил себе на старость лет.

Потом отправился в Стокгольм и за два года профукал там все денежки. А затем вернулся к себе в лес.

Юлиус не без азарта принял участие в тендере на поставку пяти тысяч электрических столбов для Худиксвальской электрической компании. И поскольку в такие детали, как страховые отчисления работодателя и налог с оборота, особо не вдавался, то тендер выиграл. С помощью десятка венгерских беженцев он даже ухитрился поставить эти столбы в срок и заработал столько денег, сколько даже и представить себе не мог. С этим все получилось, вот только Юлиусу пришлось малость смухлевать, потому что стволы все-таки были не вполне кондиционные. Так что столбы вышли на метр короче, чем требовалось в заказе, но этого никто бы и не заметил, не обзаведись чуть не каждый фермер в округе зерноуборочным комбайном.

Вскоре Худиксвальская электрическая компания понатыкала эти столбы через поля и луга по всей округе, а когда началась жатва, то провода оказались порваны в одно и то же утро в двадцати шести местах двадцатью двумя различными новенькими комбайнами. Весь этот угол провинции Хельсингланд остался на недели без электричества, жатва остановилась, электродойки не работали. Прошло не так уж много времени, и гнев фермеров, поначалу направленный на Худиксвальскую электрическую компанию, перекинулся на молодого Юлиуса.

– Но выражение «веселый Худик»[2 - Речь идет об известной театральной труппе «Театр „Веселый Худик“» (Glada Hudik-teatern), ее актеры – уроженцы лена Худиксваль с нарушениями развития.] появилось не тогда, это я тебе точно говорю. Я семь месяцев отсиживался в сундсвальской гостинице, пока опять все деньги не вышли, – признался Юлиус. – Ну что, еще по маленькой?

Пожалуй, согласился Аллан. От лосиных стейков, к тому же обильно запиваемых пилснером, самочувствие его до того улучшилось, что перспектива умереть едва не начала пугать всерьез.

Юлиус тем временем продолжал свой рассказ. После того как в один прекрасный день посреди Сундсваля его едва не переехал трактор (управляемый фермером с глазами убийцы), стало ясно, что тут, в округе, эту маленькую промашку не забудут еще пару-тройку столетий. Пришлось менять место жительства и перебираться в Мариефред, где он подворовывал по мелочи, пока, устав от городской суеты, не добрался до заброшенной платформы Бюринге благодаря

сумме в двадцать пять тысяч крон, случайно найденной как-то ночью в сейфе грипсхольмской гостиницы. Тут, на платформе, он и живет, большей частью на муниципальное пособие плюс немножко за счет несогласованной охоты в лесу у соседа и небольшого самогонного производства. Юлиус признался, что непопулярен у местных, и Аллан ответил, прожевав, что в какой-то степени это можно понять.

Когда Юлиус выразил желание принять по последней «на десерт», Аллан ответил, что всегда имел слабость к такого рода десертам, но что сейчас ему перво-наперво надо воспользоваться известными удобствами, ежели в доме такие имеются. Юлиус встал, зажег верхний свет, поскольку уже темнело, и, указав рукой, сообщил, что в передней справа от лестницы есть работающий ватерклозет, и заверил, что к возвращению Аллана опять разольет по рюмочке.

Благополучно найдя туалет, Аллан пристроился пописать, и, как обычно, не все капли достигли цели. Некоторые вместо этого совершили мягкую посадку на расписные тапки.

Примерно посреди процесса Аллан услышал, что по лестнице кто-то идет. Первое, что он, честно говоря, подумал – что это Юлиус удирает с его, Аллана, свежеукраденным чемоданом. Но звук приближался. Кто-то поднимался снизу. Пожалуй, имелся немалый риск, что шаги, доносящиеся из-за двери, принадлежали долговязому малому с длинными светлыми сальными волосами, всклокоченной бородой и в джинсовой куртке с надписью «Never Again» на спине. В таком случае ничего хорошего от него ждать не приходилось.

• • •

Автобус из Стрэнгнэса прибыл к мальмчёпингскому автовокзалу на три минуты раньше расписания: пассажиров не было, и водитель, миновав последнюю остановку, чуть прибавил газу, чтобы успеть перекурить перед тем, как ехать дальше во Флен.

Но не успел он зажечь сигарету, как рядом возник долговязый малый с длинными светлыми сальными волосами, всклокоченной бородой и в джинсовой куртке с надписью «Never Again» на спине. Строго говоря, надписи на спине водитель не увидел, однако она там, тем не менее, имелась.

– Вы едете во Флен? – спросил водитель несколько неуверенно, почувствовав, что с молодым человеком что-то не то.

– Ни в какой Флен я не еду, – отвечал малый. – И ты тоже туда не поедешь,

Четыре часа хождения туда-сюда в ожидании автобуса истощили у малого все его и без того невеликое терпение. Кроме того, когда миновала половина этого времени, он сообразил, что если бы сразу реквизировал у кого-нибудь машину, то нагнал бы автобус еще до Стрэнгнэса.

В довершение всего по городишку что-то копы разъездились. Того и гляди ворвутся в автовокзал и начнут допрашивать маленького человечка в окошке администратора, с чего это вдруг у него такой заполошный вид и отчего это дверь в его помещение висит набекрень.

Малый, кстати, никак не мог взять в толк, откуда здесь взялась полиция. Его шеф в «Never Again» и выбрал-то Мальмчёпинг для проведения транзакции по трем причинам: во-первых, близость к Стокгольму, во-вторых, относительная транспортная доступность и, в-третьих – и главных – у закона руки коротки туда дотянуться. Иными словами, полиции в Мальмчёпинге нет.

Вернее сказать, не должно было быть, но теперь они прямо наводнили городишко! Малый заметил целых две машины и общим счетом четырех пеших полицейских – на его взгляд, несметное количество.

Поначалу малый решил, будто полиция приехала по его душу. Но это означало бы, что человечек успел туда настучать – допущение, которое малый со всей определенностью отметал. В ожидании автобуса он за отсутствием другого занятия не сводил с маленького человечка глаз, разбил вдребезги его служебный телефон, а дверь кое-как привесил на место.

Когда автобус наконец пришел и малый понял, что пассажиров в нем нет, то немедленно решил похитить как водителя, так и сам автобус.

Хватило двадцати секунд, чтобы уговорить водителя развернуть автобус и снова направиться на север. Почти рекорд, подумал малый, плюхнувшись на то самое место, где еще не так давно сидел старик, которого теперь предстояло поймать.

Водителя била дрожь, но успокоительная сигарета помогала удержаться от паники. Разумеется, курить в автобусе запрещалось, но единственный закон, которому в настоящий момент повиновался водитель, сидел наискось от него – долговязый, с длинными светлыми сальными волосами, всклокоченной бородой и в джинсовой куртке с надписью «Never Again» на спине.

Всю дорогу малый спрашивал себя, куда мог податься этот престарелый похититель чемоданов. По словам водилы, старикан вышел на остановке «Платформа Бюринге», причем это была чистая случайность. И водитель рассказал про логику от противного, как старик достал пятидесятикроновую бумажку и спросил, докуда он сможет доехать за такие деньги.

Насчет платформы Бюринге водитель знал не слишком много, кроме того, что выходят на той остановке или садятся на ней очень редко. Но предполагал, что где-то в окрестных лесах имеется заброшенная железнодорожная платформа, откуда и название, и что поблизости должна быть и деревня Бюринге. Дальше деревни старик, по предположению водителя, навряд ли мог добраться. Все же он был староватый, а чемодан тяжелый, хоть и на колесах. Малому сразу стало поспокойнее. Он решил пока не звонить в Стокгольм шефу – одному из тех немногих, кто умел напугать человека еще больше, чем сам малый, причем исключительно и только силой слова. Малый поежился, представив, что скажет шеф, когда узнает, что чемодан пропал. Нет, лучше сперва решить проблему, а потом уж докладывать. А раз старикан до Стрэнгнэса не доехал и тем более не поехал еще дальше, то и чемодан удастся вернуть быстрее, чем малый опасался.

– Вот, – сказал водитель. – Вот тут у нас остановка «Платформа Бюринге»…

Он сбросил газ и встал на обочине. Теперь что, ему конец?

Но нет, он остался в живых. Правда, телефон его скоропостижно скончался под ботинком малого. А изо рта у малого горохом посыпались угрозы жизни и здоровью всех родственников водителя в случае, если тот попробует связаться с полицией, вместо того чтобы развернуть автобус и возвращаться во Флен.

Тут малый вышел, отпустив водителя вместе с его автобусом. Несчастный был так напуган, что не решился развернуть машину, а погнал дальше до самого Стрэнгнэса, встал посреди Садовой улицы и в состоянии аффекта вошел в бар отеля «Делия», где один за другим выпил четыре порции виски. После чего, к

ужасу бармена, расплакался. После еще двух порций бармен протянул ему телефон – может, посетителю нужно кому-нибудь позвонить? Тут водитель разрыдался с новой силой – и позвонил домой своей гражданской жене.

• • •

Малый вроде бы разобрал на гравии следы чемоданных колес. Скоро все утрясется. И это хорошо, потому что уже смеркается.

Иной раз малому приходило в голову, что дела лучше планировать загодя. Вот и теперь он вдруг спохватился, что стоит посреди леса, а вокруг все темнее и темнее, скоро будет вообще хоть глаз коли. И что тогда?

Раздумья эти оборвались при виде обшарпанного, местами заколоченного желтого здания у подножия холма, вершину которого малый как раз миновал. Когда же в окне верхнего этажа зажегся свет, малый пробормотал:

– Ну, дед, попался!

• • •

Начатое дело Аллан закончил досрочно. Потом осторожно приоткрыл дверь туалета, пытаясь расслышать, что происходит на кухне. И его самые мрачные опасения тотчас подтвердились. Аллан узнал голос: малый рычал на Юлиуса Юнсона и требовал сообщить, куда девался «другой старый хрен».

Аллан подкрался к кухонной двери – в мягких тапках это получилось совершенно бесшумно. Малый использовал тот же прием захвата за оба уха, который прежде применил к маленькому человечку на мальмчёпингском автовокзале. И, встряхнув несчастного Юлиуса, продолжил допрашивать, куда подевался Аллан.

Аллан подумал, что малый мог бы удовольствоваться и тем, что нашел свой чемодан, – тот ведь стоял на полу посреди кухни. Юлиус морщился и кривил лицо, но даже не пытался ответить. Старый лесопромышленник – крепкий орешек, подумал Аллан и оглядел переднюю на предмет подручного средства защиты. Среди всякого хлама обнаружилось некоторое количество возможных

вариантов: лом, доска, спрей от тараканов и пачка крысиного яда. Аллан остановился было на последнем, но не смог придумать, как заставить малого принять ложку-другую этого вещества. С другой стороны, лом для столетнего человека тяжеловат, а спрей… Нет, пожалуй, доска – это в самый раз.

И Аллан, ухватив свое оружие покрепче, в четыре стремительных для его возраста шага оказался за спиной у предполагаемой жертвы.

Жертва, видимо, что-то почувствовала, потому что в тот самый момент, когда старик уже примеривался, чтобы нанести удар, малый выпустил Юлиуса Юнсона и обернулся.

Он получил доской точно в лоб и постоял с секунду, вытаращив глаза, а потом грохнулся навзничь, ударившись головой о край обеденного стола.

Ни крови, ни стонов, ничего. Просто теперь он лежал на полу с закрытыми глазами.

– Отличный удар, – похвалил Юлиус.

– Спасибо, – сказал Аллан. – Где там у тебя, говоришь, десерт?

Аллан с Юлиусом уселись за стол, а у ног их покоился длинноволосый малый. Юлиус наполнил стопки и подал одну Аллану, а другую поднял сам. Аллан в ответ приподнял свою.

– Опаньки! – сказал Юлиус, отправив содержимое стопки в глотку. – Полагаю, это был хозяин чемодана?

Вопрос был скорее риторический. Пора, понял Аллан, объяснить чуть более подробно.

Хотя как тут объяснишь? Большую часть того, что произошло в этот день, Аллан и сам понимал с трудом. Он, однако, снова рассказал, как сбежал из дома престарелых, потом – как нечаянно прихватил чужой чемодан на мальмчёпингском автовокзале, и не скрыл подспудных опасений, что малый, лежащий теперь без чувств на полу, должно быть, гнался как раз за ним,

Алланом. После чего принес искренние извинения Юлиусу, уши которого распухли и теперь пылали. На что тот едва не рассердился: не за что извиняться, наконец-то в жизни хоть что-то стало происходить.

К Юлиусу вернулся боевой дух: теперь самое время посмотреть, что же там, в чемодане! И, когда Аллан обратил его внимание, что чемодан заперт на замок, он попросил не говорить глупостей.

– С каких это, интересно, пор, замки стали останавливать Юлиуса Юнсона? – поинтересовался Юлиус Юнсон.

Но всему свое время, продолжил он. Прежде надо разобраться с этой проблемой на полу. Ничего хорошего, если малый очухается и снова займется тем же, на чем его прервали.

Аллан предложил привязать малого к дереву возле платформы, но Юлиус возразил, что если малый, очнувшись, заорет достаточно громко, то его услышат в деревне. Теперь там живут от силы несколько семей, но у каждой по разным причинам есть зуб на Юлиуса, так что все они возьмут сторону малого, им только дай повод.

Идея у Юлиуса была получше. Рядом с кухней имелась изолированная морозильная комната, где он хранил своих незаконно добытых и освежеванных лосей. В настоящее время все лоси в ней кончились и агрегат был отключен: Юлиус не любил гонять его вхолостую, электричества эта техника жрет просто прорву. Электричество у Юлиуса, разумеется, тоже было ворованное, за него платил Йёста из Скугсторпа, но ведь и воруя, надо меру знать, если намерен это делать и в дальнейшем.

Осмотрев морозилку, Аллан нашел, что это превосходная камера предварительного заключения без излишних удобств. Ее размеры – два на три метра – пожалуй, больше, чем малый заслуживает, но ведь и оснований мучить зря человека тоже нет.

Старики вместе оттащили малого в импровизированную предвариловку. Когда его усадили на перевернутый ящик в углу помещения и прислонили к стенке, малый застонал. Видимо, начал приходить в себя. Лучше не тянуть и запереть дверь как следует.

Сказано – сделано. После чего Юлиус водрузил чемодан на обеденный стол, осмотрел замок и, облизав вилку после лосятины с картошкой, в несколько секунд его вскрыл. Затем пригласил Аллана поднять крышку, ведь украл чемодан все-таки Аллан.

– Все мое – твое, – сказал Аллан. – Добычу пополам, но если там вдруг есть туфли моего размера, то, чур, мои – договорились?

И Аллан поднял крышку.

– Что за чертовщина! – сказал Аллан.

– Что за чертовщина! – сказал Юлиус.

– Выпустите меня! – донеслось из морозильной комнаты.

Глава 4

1905–1929

Аллан Эммануэль Карлсон родился 2 мая 1905 года. Накануне его матушка прошествовала в первомайской колонне по Флену, требуя избирательного права для женщин, восьмичасового рабочего дня и прочей блажи. Впрочем, от демонстрации был, по крайней мере, тот прок, что начались схватки, и сразу после полуночи она родила своего первого и единственного сына. Произошло это в маленькой избушке в Юксхюльте при содействии соседской бабки, которая, разумеется, не обладала особыми акушерскими талантами, зато имела общепризнанный статус, поскольку однажды в девятилетнем возрасте сделала книксен самому Карлу XIV Юхану, который, в свою очередь, приходился приятелем (скажем так) Наполеону Бонапарту. К чести бабки можно сказать, что младенец, которого она приняла, дожил до взрослого возраста, да еще и с лихвой.

Отец Аллана Карлсона был человеком заботливым, но сердитым. Заботливым по отношению к собственной семье, а сердитым – на общество вообще и на каждого его представителя в частности. Вдобавок к нему плохо относились верхи этого общества, особенно после того, как он встал посреди площади во Флене и начал агитировать за использование противозачаточных средств. За это ему пришлось заплатить десять крон штрафа, причем сам он уже мог на сей счет больше не беспокоиться, поскольку Алланова мать от такого срама вообще перестала его к себе подпускать. Аллану шел тогда шестой год, и он был уже достаточно взрослый, чтобы попросить у матери более подробных разъяснений, почему кровать отца вдруг переставили в дровяной чулан возле кухни, но в ответ услышал только, что незачем задавать слишком много вопросов, если нет желания получить затрещину. А поскольку Аллан, как и все дети во все времена, такого желания не имел, то тема оказалась закрыта.

Начиная с этого дня Алланов отец появлялся в собственном доме все реже. Днем он более-менее сносно выполнял свои обязанности на железной дороге, вечерами обсуждал социализм на всяческих сходках, а где проводил ночи, Аллан так толком и не смог себе уяснить.

Однако экономическую ответственность перед семьей отец нес исправно. Каждую субботу большая часть зарплаты передавалась жене – вплоть до того дня, когда он вылетел с работы за насилие к пассажиру, нечаянно сообщившему, что едет в Стокгольм, дабы вместе с тысячами других подданных приветствовать короля во внутреннем дворе дворца и засвидетельствовать его величеству готовность защищать родину.

– Ты себя-то сперва защити, – сказал отец Аллана и двинул пассажиру правым кулаком так, что тот повалился навзничь.

Вследствие скоропостижного увольнения содержать семью отец больше не мог. А все попытки найти другую работу обрекала на провал сложившаяся репутация драчуна и поборника контрацептивов. Оставалось дожидаться революции или даже поторопить ее: дело-то шло, как назло, ни шатко ни валко. Но в этом вопросе Алланов отец имел твердую установку на результат. Значит, шведскому социализму нужен зарубежный опыт. Вот тогда-то все и завертится, и оптовику Густавсону и ему подобным дадут жару.

Словом, он собрал чемодан и поехал в Россию свергать царя. Отсутствие в доме поступлений с железной дороги, конечно, ощущалось, но мать Аллана была

скорее даже рада, что супруг покинул пределы не только округи, но и страны.

После эмиграции кормильца матери и Аллану, которому еще не было десяти, пришлось самим удерживать семейную экономику на плаву. Мать попросила срубить четырнадцать больших берез на их участке, а потом пилила и колола дрова на продажу, а сыну повезло устроиться за гроши рассыльным в производственный филиал акционерного общества «Нитроглицерин» в окрестностях Флена.

Письма из Санкт-Петербурга (который как раз переименовали в Петроград) приходили регулярно, и мать с нарастающим удивлением констатировала, что убежденность ее супруга в благотворности социализма все больше сходит на нет. В этих письмах Алланов отец нередко ссылался на друзей и знакомых из петроградских влиятельных кругов. Больше других он цитировал одного человека по имени Карл. Не самое русское имя, думал Аллан, – да и другое, которым отец иной раз величал приятеля, тоже было не больно-то русское – Фаббе.

По словам отца, Фаббе держался той точки зрения, что народ в своей массе не понимает собственного блага и надо, чтоб его кто-нибудь вел за ручку. Поэтому самодержавие лучше демократии, покуда осуществляется силами наиболее образованной и ответственной части общества. А то ведь семеро из десяти большевиков и читать-то не умеют, веселился Фаббе. Как вообще можно давать власть неграмотной толпе?

В этом пункте, правда, Алланов отец большевиков защищал, потому что видели бы его домашние, писал он в Юксхюльт, что такое русские буквы. Ничего удивительного, что люди грамоты не знают.

Да и ведут себя эти большевики просто из рук вон! Сами чумазые, а водку хлещут прямо как наши путейцы, которые напрокладывали дорог через весь Сёдерманланд. Алланов отец всегда поражался, что рельсы такие прямые – при том, сколько бреннвина выдувают укладчики: на каждом повороте шведской железной дороги просто жуть берет.

Вот и большевики вроде того, если не хуже. Фаббе говорит, социализм кончится тем, что все поубивают друг дружку, пока не останется один, который все и порешает. Лучше уж с самого начала прибиться к царю Николаю, хорошему и

образованному человеку, с идеями насчет будущего. Фаббе, он знает, что говорит, он даже встречался с царем, и не один раз. Сердце у Николая II, уверял Фаббе, по-настоящему доброе. Просто царю в жизни не везет – но это же не может длиться бесконечно? Всему виной неурожай и большевистский мятеж. А потом немцы стали озорничать только из-за того, что царь устроил мобилизацию. Но он же это сделал ради сохранения мира? И ведь не царь убил эрцгерцога вместе с женой в Сараеве? А?

Так, по всей видимости, рассуждал Фаббе, кем бы он ни был, и Алланов отец отчасти проникся его рассуждениями. Да и к царю с его вечным невезением он испытывал некоторую симпатию, чуя родственную душу. Рано или поздно все наладится – и у русских царей, и у простых добрых людей из окрестностей Флена.

Денег из России отец не присылал никогда, но как-то пришла посылка с эмалевым пасхальным яйцом – отец, по собственным словам, выиграл его в джокер у этого своего русского приятеля, который, помимо выпивки, партийных споров и игрой в карты с отцом, ничем особенным не занимался, кроме как вот такие яйца выделывал.

Отец подарил пасхальное яйцо работы Фаббе «дорогой супруге», которая здорово осерчала: нет бы чертову обормоту настоящее яйцо прислать, чтоб семья хоть поела досыта. Мать чуть было не выкинула подарок в окно, но вовремя одумалась. Может, оптовик Густавсон за него что и даст, он всегда был падок на диковинки, а такому-то яйцу, на взгляд матери, в диковинности уж точно не откажешь.

До чего же мать изумилась, когда оптовик Густавсон после двух дней раздумий предложил за яйцо восемнадцать крон. Разумеется, рваными кредитками, но тем не менее!

Теперь она стала ждать новых яиц, но вместо этого из следующего письма узнала, что царские генералы предали своего самодержца и тому пришлось уйти с должности. В письме отец костерил на чем свет стоит своего яйценосного друга, сбежавшего из-за всего этого в Швейцарию. Сам же он намеревался остаться и дать бой этому выскочке и шуту гороховому, который взял теперь власть и которого тут величают Лениным.

Для отца все это имело глубоко личную составляющую, поскольку Ленин имел неосторожность отменить частную собственность на землю в тот самый день, когда отец купил двенадцать квадратных метров земли для разведения шведской клубники. «Участок стоил всего четыре рубля, но никому не позволено национализировать мою клубничную грядку безнаказанно», – написал отец в своем самом последнем письме домой. А завершил его словами: «Итак – война!»

Война теперь шла постоянно. Причем почти повсеместно, и уже не первый год. Она разразилась как раз после того, как маленький Аллан получил работу рассыльного в акционерном обществе «Нитроглицерин». Нагружая коробки с динамитом, Аллан слушал разговоры рабочих о том, что творится в мире. Он удивлялся, откуда они столько знают, но еще больше поражался, как много зла могут причинить друг дружке взрослые люди. Австрия объявила войну Сербии. Германия объявила войну России. Потом Германия за один вечер захватила Люксембург, прежде чем объявить войну Франции. За это Великобритания объявила войну Германии, на что немцы ответили тем, что объявили войну Бельгии. Тогда уже Австрия объявила войну России, а Сербия объявила войну Германии. Так и пошло. Вмешались японцы и американцы. Британцы зачем-то захватили Багдад, а потом Иерусалим. Греки и болгары принялись воевать друг с другом, как раз когда пришло время русскому царю отречься от престола, а тем временем арабы захватили Дамаск…

«Итак – война!» – написал отец. Вскоре после этого кто-то из приспешников Ленина приказал казнить царя Николая и всю его семью. Царское невезение так никуда и не делось.

Спустя еще несколько недель шведская дипмиссия в Петрограде телеграфировала в Юксхюльт о смерти отца Аллана. Вдаваться в подробности ответственный чиновник обязан не был, но, вероятно, не смог удержаться.

По его словам, отец Аллана сколотил дощатый забор вокруг участка земли в десять – пятнадцать квадратных метров и объявил эту землю независимой республикой. Свое маленькое государство он назвал Истинной Россией и погиб в стычке с двумя бойцами правительственных войск, пришедшими снести его забор. Отец принялся защищать свои рубежи на кулаках, так что договориться с ним красноармейцам не было никакой возможности. Под конец они не нашли другого средства, как засадить ему пулю между глаз, чтобы наконец передохнуть.

– Что, нельзя было помереть не такой дурацкой смертью? – обратилась мать к телеграмме из дипмиссии. Прежде она и не рассчитывала, что супруг когда-нибудь вернется домой, но в последнее время все-таки стала на это надеяться: ее беспокоили легкие и уже не позволяли колоть дрова с прежней прытью. Мать издала хриплый вздох, и на этом горе было исчерпано. Аллану она сообщила: все есть, как есть, раз и навсегда, а дальше, без сомнения, будет так, как будет.

А потом ласково взъерошила сыну волосы и снова отправилась колоть дрова.

Аллан не очень понял, что она имела в виду. Ясно было только, что отец умер, мать кашляет кровью, а война кончилась. Сам он в свои тринадцать уже стал докой по части того, как устроить взрыв, смешав нитроглицерин, нитрат целлюлозы, нитрат аммония, нитрат натрия, древесную муку и еще кой-чего по мелочи. Может, когда и пригодится, подумал Аллан и пошел помочь матери с дровами.

• • •

Два года спустя мать откашляла свое и отправилась на то гипотетическое небо, где уже обретался отец. На пороге избы вместо нее появился недовольный оптовик, полагающий, что мать могла бы заплатить восемь крон и сорок эре в счет последних кредитов, прежде чем взять и умереть без предупреждения. В планы Аллана, однако, не входило откармливать Густавсона сверх необходимого.

– Почему бы господину оптовику не потолковать об этом с моей матерью напрямик? Могу одолжить лопату.

Оптовик был хоть и оптовик, но сложения довольно мелкорозничного, в отличие от пятнадцатилетнего Аллана. Этот мальчик становится мужчиной, и если он даже вполовину такой тронутый, как папаша, то ждать от него можно чего угодно, рассудил оптовик Густавсон, и ему тут же понадобилось срочно вернуться к себе в контору и пересчитать деньги. С тех пор тема долга больше не всплывала.

Каким образом матери удалось скопить несколько сот крон капитала, Аллан себе даже представить не мог. Но деньги эти имелись, и их хватило не только на

похороны, но и на создание фирмы «Динамит-Карлсон». Когда не стало матери, Аллану хоть и было всего пятнадцать, но в акционерном обществе «Нитроглицерин» он успел усвоить все, что нужно.

К тому же парень активно экспериментировал в гравийном карьере позади избы. Настолько активно, что у коровы ближайшего соседа, за два километра от карьера, даже случился выкидыш. Но Аллан об этом никогда не узнал, потому что этот сосед, как и оптовик Густавсон, опасался сынка полоумного Карлсона, может, такого же полоумного, кто его знает.

Интерес к происходящему в Швеции и в мире Аллан сохранил со времен службы рассыльным. Не реже чем раз в неделю он ездил на велосипеде во Фленскую библиотеку пополнять свои знания. Там ему иной раз попадались склонные к дебатам молодые люди, причем всех их объединяло стремление вовлечь Аллана в то или иное политическое движение. Но насколько Аллана интересовали происходящие события, настолько же ему не было интересно в них участвовать или на них влиять.

Дело в том, что мировоззрение Аллана складывалось противоречиво. С одной стороны, он принадлежал к рабочему классу – как иначе сказать про человека, который в девять лет оставил школу и пошел работать на промышленное производство? С другой – он чтил память отца, а тот за свою слишком недолгую жизнь успел увлечься почти всем. Начал как левый, потом поддержал царя Николая II, а завершил жизнь в земельном споре с Владимиром Ильичом Лениным. Мать, со своей стороны, между приступами кашля кляла всех, от короля до большевиков, а между ними Яльмара Брантинга[3 - Брантинг, Карл Яльмар (1860–1925) – шведский политик, первый премьер от партии социал-демократов (1920).], оптовика Густавсона и – не в последнюю очередь – Алланова родного отца.

Кем-кем, а тупицей Аллан не был. Хоть он и отходил в школу всего три года, но их ему хватило, чтобы выучиться читать, писать и считать. А благодаря политически грамотным рабочим акционерного общества «Нитроглицерин» он проникся интересом к происходящему в мире.

Однако тем, что сформировало жизненную философию молодого Аллана, стали слова матери, когда они оба получили известие о смерти отца. Завет этот не сразу проник в душу юноши, но зато укоренился в ней навсегда.

Все есть, как есть, а будет, как будет.

Это означало, что нельзя себе потакать – тем более по серьезным поводам. Как, например, когда в избушку в Юксхюльте пришло известие о смерти отца. Аллан, в согласии с семейной традицией, в ответ продолжил колоть дрова, может, разве что дольше и молчаливей обычного. Или когда мать последовала тою же дорогой и ее выносили из дому к ожидающему снаружи катафалку. Тогда Аллан остался на кухне и наблюдал за происходящим в окно. А потом произнес тихо, так, что только сам расслышал:

– Прощай, мать.

И закрыл эту главу своей жизни.

• • •

Аллан занимался своей динамитной фирмой не покладая рук и за первый год третьего десятилетия двадцатого века сумел собрать солидный круг клиентов по всему Сёдерманланду. Субботними вечерами, когда ровесники отправлялись на танцы, Аллан сидел дома и придумывал новые смеси, чтобы повысить качество своего динамита. А когда наступало воскресенье, он отправлялся в карьер производить пробные взрывы. С перерывом с одиннадцати до часа – это ему пришлось в конце концов пообещать юксхюльтскому священнику, чтобы тот не особо возмущался, что парень не ходит в церковь.

Аллана вполне устраивало свое собственное общество, и это было хорошо, поскольку жил он довольно уединенно. Из-за того, что он так и не примкнул к рабочему движению, местные социалисты его презирали, а на приглашение в какой-нибудь буржуазный салон рабочему, да еще и сыну такого отца рассчитывать не приходилось. К тому же в этих самых салонах сидел оптовик Густавсон, а он ни за что на свете не стал бы якшаться с сопливым Карлсоновым щенком. Взять хоть то, что малец выведал, сколько Густавсон заработал на том яйце, купив его у матери Аллана считай что за бесценок и потом перепродав одному дипломату в Стокгольме. Благодаря этой сделке Густавсон стал третьим в округе владельцем личного автомобиля.

Да, в тот раз ему повезло так повезло. Да только везенье продлилось не так долго, как бы хотелось самому Густавсону. Августовским воскресеньем 1925 года, после церковной службы, он отправился на автомобильную прогулку, больше чтобы покрасоваться. И угораздило его отправиться как раз в Юксхюльт и проехать мимо Аллана Карлсона. На повороте перед избой Аллана Густавсон, должно быть, занервничал (если только в события не вмешался каким-то образом Бог или провидение) – руль, по-видимому, заклинило, – во всяком случае, Густавсон и его машина, вместо того чтобы взять чуть правее, на полном ходу влетели в гравийный карьер позади избы. Что само по себе не сулило ничего хорошего: предстояло ступить на землю Аллана, а после еще и объясняться, да только дело обернулось еще хуже, потому что в тот самый момент, когда Густавсону удалось наконец остановить свой взбесившийся автомобиль, Аллан произвел первый из своих воскресных экспериментальных взрывов.

Сам Аллан залег позади дощатого нужника, так что ничего не видел и не слышал. Что случилось неладное, он понял, только когда спустился в карьер оценить мощность взрыва. Там лежал автомобиль оптовика, равномерно рассеянный по всему карьеру, а местами попадались и фрагменты самого оптовика.

Ближе всего к дому приземлилась его голова, совершив мягкую посадку на поросший травой пятачок. И лежала теперь, уставившись на разрушения невидящими глазами.

– Что ты забыл у меня в карьере? – удивился Аллан.

Оптовик ничего не ответил.

• • •

В следующие четыре года у Аллана образовалось достаточно времени для чтения и углубленного изучения общественного устройства. Он сразу же угодил за решетку, хотя не очень понимал за что.

Потом к делу приплели его отца, старого ниспровергателя устоев. Это произошло, когда один из молодых и голодных учеников упсальского

профессора расовой биологии Бернхарда Лундборга решил построить на Аллане свою карьеру. После всяческих пертурбаций Аллан угодил Лундборгу в лапы и был тут же отправлен на принудительную стерилизацию по «евгеническим и социальным показаниям» – иными словами, Аллан несколько отставал в развитии и при этом слишком многое унаследовал от отца, чтобы государство могло допустить дальнейшее воспроизводство Карлсонов.

Аллана эта самая стерилизация огорчила не особо, наоборот, ему в клинике профессора Лундборга даже понравилось. Там ему время от времени приходилось отвечать на самые разные вопросы – например, откуда у него потребность взрывать предметы и людей и нет ли у него в жилах, по его сведениям, негритянской крови. Аллан отвечал, что между подрывом предметов и людей, по его ощущениям, есть все же некоторая разница. Расколоть пополам каменную глыбу, оказавшуюся на дороге, даже приятно. А если вместо скалы окажется человек, то, как представляется Аллану, проще, наверное, попросить его посторониться. А что, господину профессору Лундборгу так не кажется?

Но Бернхард Лундборг был не из тех, кто с ходу пускается в философские диспуты с пациентами, и в ответ повторил свой вопрос насчет негритянской крови. Аллан отвечал, что выяснить это не так-то просто, но оба его родителя были в точности такими же бледными с лица, как он сам, – господина профессора устроит такой ответ? И добавил, что вообще-то ему страсть как охота поглядеть на живого негра – может, у профессора такой найдется?

Профессор Лундборг и его ассистенты на встречные вопросы Аллану не отвечали, но что-то у себя чиркали, хмыкали, а потом оставляли Аллана в покое, иной раз на несколько дней подряд. Эти дни Аллан посвящал чтению – газет, разумеется, но еще и книг из больничной библиотеки, весьма, кстати, солидной. Вдобавок – трехразовое питание, теплый туалет и отдельная палата. Так что принудительная забота пришлась Аллану по душе. Только однажды настроение у него испортилось: в тот раз Аллан полюбопытствовал у профессора Лундборга, что такого страшного, если человек негр или еврей. В ответ профессор, вместо того чтобы в очередной раз промолчать, впервые рявкнул, что господину Карлсону лучше заниматься своими делами и не совать нос в чужие. Ситуация чем-то напомнила ту давнюю, когда мать посулила Аллану затрещину.

Годы шли, и допросы случались все реже. Тут риксдаг как раз назначил комиссию по проверке случаев стерилизации «биологически малоценных», и по

результатам этой проверки работа профессора Лундборга получила такой импульс, что койка Аллана срочно понадобилась следующему пациенту.

Так что в начале лета 1929 года Аллана объявили полностью реабилитированным и выкинули на улицу с мелочью в кармане, которой с грехом пополам хватило на поезд до Флена. Последнюю милю[4 - Протяженность шведской мили – десять километров.] до Юксхюльта идти пришлось пешком, но Аллан не видел в этом большой беды. После четырех лет под замком не грех и ноги размять.

Глава 5

Понедельник, 2 мая 2005 года

Новость о старике, который бесследно исчез в день своего столетия, тут же выложила у себя на сайте местная газета. А поскольку новостей с мест хронически не хватало, журналистка позволила себе предположить, что не исключается и версия похищения. Ведь столетний юбиляр, по словам очевидцев, находился в ясном уме и вряд ли мог заблудиться.

Исчезновение в день собственного столетия – это уже дело чрезвычайное. Местное радио тут же процитировало местную газету, его примеру последовали центральное радио, национальное новостное агентство «ТТ», телетекст, сайты центральных газет, а также дневные и вечерние выпуски теленовостей.

Полиции Флена ничего не оставалось, как уступить это дело окружному отделу уголовного розыска, который немедленно выслал две полицейские машины и в придачу комиссара криминальной полиции Аронсона (в штатском). Всех их тут же окружили команды репортеров, готовые поставить на уши всю округу. Такое скопление СМИ в свою очередь дало основания окружному полицмейстеру лично возглавить работу на месте, чтобы при случае попасть в объектив какой-нибудь из камер.

Поначалу полицейская работа состояла в том, что обе машины разъезжали туда-сюда по городку, покуда комиссар полиции опрашивал публику в доме

престарелых. Между тем как муниципальный советник, наоборот, уехал домой во Флен и отключил все телефоны. В том, чтобы засветиться в истории с исчезновением неблагодарного старца, рассудил он, нет ничего хорошего.

Стали поступать первые разрозненные сведения: начиная с того, что Аллана видели на велосипеде на улицах Катринехольма, и заканчивая тем, что он якобы стоял в очереди в нючёпигской аптеке и ругался. Но эти и другие подобные свидетельства следовало отмести в силу разных причин. Той, например, что невозможно находиться в Катринехольме и в то же самое время, согласно подтвержденным данным, обедать у себя в комнате в мальмчёпингском интернате для престарелых.

Окружной полицмейстер распорядился организовать прочесывание местности силами сотен добровольцев и искренне удивился, что это не дало никакого результата. Он ведь был совершенно уверен, что старик ушел и по слабоумию заблудился, что бы там ни говорили очевидцы о полном душевном здравии юбиляра.

Так что следствию поначалу было просто не за что зацепиться, пока в полвосьмого вечера из Эскильстуны не доставили собаку-ищейку. Быстренько обнюхав кресло Аллана и его полузатоптанные следы среди анютиных глазок под окном, собака потянула в сторону парка и дальше на другую сторону поля, через улицу, к средневековой церкви, через каменную ограду, и не останавливалась, пока не привела к залу ожидания мальмчёпингского автовокзала.

Дверь в зал ожидания была заперта. От дежурного администратора Сёдерманландской транспортной компании во Флене полиция узнала, что в будние дни автовокзал закрывается в 19.30, когда у его коллеги в Мальмчёпинге заканчивается рабочий день. Но, добавил администратор, если у полиции нет никакой возможности подождать до следующего дня, то в принципе можно посетить его коллегу дома. Звать его Ронни Хюльт, и он есть в телефонном справочнике.

Покуда окружной полицмейстер, стоя под объективами камер на фоне дома престарелых, объявлял, что необходима помощь общественности для дальнейших прочесываний местности в течение вечера и ночи, поскольку столетний мужчина ушел без теплой одежды и, возможно, малость неадекватен, комиссар полиции Йоран Аронсон явился домой к Ронни Хюльту и позвонил в

дверь. Ведь собака явственно указала, что пожилой мужчина направился в зал ожидания автовокзала, и если потом уехал из Мальмчёпинга на автобусе, администратор Хюльт наверняка должен это знать.

Но Ронни Хюльт дверь не открыл. Он сидел у себя в спальне, опустив жалюзи и обняв свою кошку.

– Иди отсюда, – шептал Ронни Хюльт в сторону входной двери. – Иди отсюда. Уходи!

Так комиссар в конце концов и сделал. Понадеявшись отчасти на то, что его начальник уже разыскал заблудившегося старика, а отчасти на то, если дед таки сел в автобус, то, по крайней мере, не пропадет. А этот Ронни Хюльт, видно, завалился к какой-нибудь пассии. Значит, завтра дело номер один – зайти к нему на работу. Если пропавший пожилой мужчина до этого не объявится.

• • •

В 21.02 информационный центр окружного полицейского участка в Эскильстуне принял следующий звонок:

– Да, это говорит Бертиль Карлгрен, и я звоню… звоню, можно сказать, от имени моей супруги. Или ну… В общем, моя жена Герда Карлгрен была во Флене несколько дней, навещала нашу дочку с мужем. У них скоро малыш будет, в общем… всегда в такое время забот полон рот, как говорится. Но сегодня пора уже было домой ехать, ну она и поехала, ну Герда, в смысле, Герда села на ранний вечерний автобус и поехала домой, сегодня, короче, а автобус этот идет через Мальмчёпинг, живем-то мы сами в Стрэнгнэсе… Да, наверное, ничего особенного, жена ничего такого не думает, но мы вот слыхали по радио про пропавшего столетнего мужчину. Вы, наверное, уже его нашли? Нет? Да, тут вот жена говорит, что какой-то очень старенький дедушка зашел в автобус в Мальмчёпинге и что у него с собой был большущий чемодан, словно дед собрался в дальний путь. Жена-то сидела сзади, а старик спереди, так что видно ей было неважно и слышно не было, о чем старик с водителем разговаривали. Что такое, Герда? Ну да, Герда вот говорит, что она не из тех, кто чужие разговоры подслушивает… Но все-таки странно это… Странно и… в общем… ну

да, и сошел этот дедушка на полпути до Стрэнгнэса, проехал всего несколько миль со своим большущим чемоданом. И на вид был уж такой старый, ну, в общем, совсем. Не, Герда не знает, как остановка называется, в общем, прямо в лесу… посредине пути примерно.

Сообщение было записано, распечатано и отправлено по факсу в мальмчёпингскую гостиницу, где остановился комиссар полиции.

Глава 6

Понедельник, 2 мая – вторник, 3 мая 2005 года

Чемодан был полон до краев пачками купюр по пятьсот крон. Юлиус прикинул по-быстрому. Десять пачек в длину, пять в ширину, пятнадцать в высоту, в каждой по пятьдесят тысяч…

– Тридцать семь с половиной миллионов, если я правильно посчитал, – сказал он.

– Худо-плохо, а деньги, – сказал Аллан.

– Выпустите, гады, – завопил малый из морозильной комнаты.

Малый продолжал буянить; он орал, молотил ногами в дверь и снова орал. После того как события приняли столь неожиданный оборот, Аллану и Юлиусу надо было собраться с мыслями, но при таком гвалте это никак не получалось. В конце концов Аллан решил, что малому надо малость поостыть, и включил холодильную установку. Малому хватило нескольких секунд, чтобы заметить, что его положение ухудшается. Он замолчал, чтобы попытаться поразмыслить. Размышления малому и в обычные дни давались с трудом, а тут еще голова прямо раскалывалась от боли. После нескольких минут раздумий он кое-как сообразил, что угрожать или молотить в дверь ногами смысла нет. Оставалось только надеяться на помощь извне. Оставалось только звонить шефу. Самая мысль ужасала. Но альтернатива, похоже, выглядела еще хуже. Наконец он вынул телефон. Но сети не было.

• • •

И вечер сменился ночью, а ночь – утром. Аллан открыл глаза, не понимая, где он. Может, умер наконец во сне?

Бойкий мужской голос пожелал ему доброго утра и сообщил, что есть две новости, хорошая и плохая. С какой бы Аллан хотел начать?

Начать Аллан хотел с того, чтобы понять, где он и почему. Колени болели, стало быть, он все-таки жив. Но разве он не… и разве потом не прихватил… и… Юлиус, кажется, так его зовут?..

Картина сложилась, и Аллан проснулся. Он лежал на матрасе на полу в спальне Юлиуса, а Юлиус, стоя в дверях, повторил вопрос: хочет Аллан услышать сперва хорошую новость или плохую?

– Хорошую, – сказал Аллан. – Плохую можешь пропустить.

Что ж, подумал Юлиус и сообщил хорошую новость – завтрак ожидает на столе в кухне. А именно – кофе, бутерброды с жареной лосятиной и яйца из соседского курятника.

Подумать только – еще один завтрак в жизни без овсянки! Это была определенно хорошая новость. Когда Аллан уселся за стол, то почувствовал, что, пожалуй, созрел, чтобы услышать и плохую новость, какова бы она ни была.

– Плохая новость, – сказал Юлиус и чуть понизил голос, – плохая новость – что вчера мы на радостях забыли отключить холодильную установку.

– И? – сказал Аллан.

– И тот тип внутри теперь совсем уже мертвый.

Аллан, огорченно почесав затылок, решил, что такая незадача не должна омрачить наступивший день.

– Жалко, – сказал он. – Зато, должен сказать, с яйцами ты угадал в самый раз, они и не крутые, и не жидкие.

• • •

Комиссар криминальной полиции Аронсон проснулся около восьми утра и отметил, что настроение у него скверное. Ну ушел какой-то дедуля из интерната, с умыслом или без, – это все-таки происшествие не комиссарского уровня.

Аронсон принял душ, оделся и спустился к завтраку на первый этаж гостиницы «Плевнагорден». По пути он повстречал администратора, протянувшего ему факс, который пришел на ресепшен накануне вечером перед самым закрытием.

Час спустя у комиссара Аронсона взгляд на это дело кардинально изменился. Поначалу ценность факса из информационного центра была неочевидна, но, когда Аронсон встретился с бледным Ронни Хюльтом в канцелярии железнодорожного вокзала, прошло не так много минут, прежде чем у Хюльта сдали нервы и он рассказал обо всем, что пришлось пережить.

Сразу после этого позвонили из Эскильстуны и сообщили, что Сёдерманландская транспортная компания только что узнала, что во Флене вчера вечером недосчитались одного автобуса и что Аронсону нужно позвонить Йессике Бьёркман, гражданской жене водителя, которого, судя по всему, похитили, но затем отпустили.

Комиссар Аронсон поехал обратно в «Плевнагорден», чтобы выпить кофе и обдумать свежие данные. Свои соображения он по ходу раздумий заносил в блокнот:

Пожилой мужчина, Аллан Карлсон, совершает побег из интерната для престарелых перед самым празднованием своего столетнего юбилея в общей гостиной. Карлсон находится или находился в редкостно хорошей форме для своих лет, этому есть целый ряд подтверждений, начиная с того чисто физического факта, что он ухитрился самостоятельно вылезти через окно, поскольку ясно, что никто ему снаружи не помогал, также и последующие

свидетельства указывают, что он и далее действовал самостоятельно. Кроме того, медсестра и заведующая интернатом Алис Энглунд свидетельствует, что «Аллан хоть и старый, но нахал каких мало и черт его знает, что он может отчебучить».

Ищейка же показала, что Карлсон, потоптавшись в цветнике с анютиными глазками, прошел пешком часть Мальмчёпинга и постепенно добрался до зала ожидания автовокзала, где, согласно свидетелю Ронни Хюльту, сразу же проследовал к окошку администратора, упомянутого Хюльта, а вернее, прошаркал – Хюльт обратил внимание на короткие шаги Карлсона и на то, что на ногах у него были домашние тапочки, а не уличная обувь.

Дальнейшее свидетельство Хюльта указывает на то, что Карлсон скорее убегал куда глаза глядят, нежели двигался к определенной цели. Карлсон хотел побыстрее покинуть Мальмчёпинг, причем направление и вид транспорта играли второстепенную роль.

Это, кстати, подтверждается и некоей Йессикой Бьёркман, гражданской женой водителя автобуса Леннарта Рамнера. Самого водителя расспросить пока не удалось, поскольку он принял слишком много снотворного. Но показания Бьёркман выглядят вполне вразумительными. Карлсон, по словам Рамнера, при выборе пункта назначения исходил из имеющихся у него денег. Таким пунктом оказалась остановка «Платформа Бюринге». Оказалась. Иными словами, нет никаких оснований считать, что кто-то ожидал Карлсона именно там. Между тем в этой истории есть еще один момент. Администратор автовокзала Хюльт, по-видимому, не обратил внимания, что Карлсон прихватил какой-то чемодан, прежде чем сесть в автобус и уехать в Бюринге, но вскоре понял это в результате насильственных действий, произведенных с ним предположительно членом организованной преступной группировки «Never Again». Ни о каком чемодане в словах, которых Йессике Бьёркман удалось добиться от своего одурманенного таблетками сожителя, не упоминалось, однако факс из информационного центра подтверждает, что Карлсон со всей очевидностью – и при всей невероятности – украл чемодан у группировки «Never Again».

Дальнейший рассказ Бьёркман вместе с факсом из Эскильстуны дает нам следующее: сперва Карлсон, в 15.20 плюс-минус несколько минут, а затем член «Never Again», спустя примерно четыре часа, вышли на остановке «Платформа Бюринге» и отправились далее пешком с неизвестными намерениями. Первый – ста лет от роду и с чемоданом, второй – семьюдесятью-семьюдесятью пятью

годами моложе и налегке.

Комиссар Аронсон захлопнул блокнот и допил остатки кофе. На часах было 10.25.

– Итак, следующая остановка – «Платформа Бюринге».

• • •

За завтраком Юлиус доложил Аллану обо всем, что успел сделать и обдумать, пока тот спал.

Сперва о несчастном случае в морозильной камере. Когда Юлиус понял, что отрицательная температура держалась там не меньше десяти часов подряд, весь вечер и ночь, то, прихватив на всякий случай лом, распахнул дверь. Если бы малый оказался все еще жив, то был бы слишком сонным и вялым, чтобы противостоять Юлиусу с его ломом. Но принятые меры предосторожности оказались избыточными. Малый сидел съежившись на пустом ящике. Тело его покрывали ледяные кристаллы, а глаза холодно смотрели в никуда. Словом, он был мертвей, чем разделанный лось.

Жаль, подумал Юлиус, но, с другой стороны, дело сильно упрощается. Все равно отпускать этого отмороженного было нельзя. Юлиус отключил холод и оставил дверь открытой. Малый так и так уже мертвый, а глубокая заморозка ему не требуется.

Юлиус растопил дровяную плиту на кухне, а то наверху стало что-то прохладно, и пересчитал деньги. В чемодане оказалось не тридцать семь миллионов, как он второпях прикинул вчера вечером, а ровным счетом пятьдесят.

Аллан, с интересом слушая отчет Юлиуса, уписывал завтрак с таким аппетитом, какого за собой давно не помнил. И вставил слово не раньше, чем Юлиус перешел к экономической части.

– Да, пятьдесят миллионов еще легче делятся пополам. Ровненько и точно. Не передашь мне соль?

Юлиус выполнил просьбу Аллана, усмехнувшись, что сумел бы разделить пополам и тридцать семь миллионов, если бы понадобилось, но с пятьюдесятью, конечно же, куда проще. А потом заговорил серьезно. Он сел за стол напротив Аллана и сказал, что надо уходить с этой заброшенной платформы, чем скорее, чем лучше. Малый в морозильной комнате больше не опасен – но кто знает, чего он там наворотил по пути сюда? В любой момент тут на кухне могут объявиться еще с десяток подобных малых и начать буянить, и каждый – такой же сердитый, как этот, который свое уже отбуянил.

Аллан согласился, но напомнил Юлиусу, что сам уже в летах и не так легок на ногу, как прежде. Юлиус пообещал по возможности избегать пеших прогулок. Но уходить отсюда необходимо. И малого из морозильной комнаты лучше прихватить с собой – брошенный по дороге покойник, чего доброго, попадется людям на глаза, а это вряд ли зачтут обоим старикам в плюс

Завтрак завершился, пора было поторапливаться. Юлиус и Аллан вместе вытащили мертвого из морозильника, внесли на кухню и посадили на стул, пока собирались с силами для дальнейших действий.

Аллан окинул малого взглядом с головы до пят и заметил:

– Надо же, какие маленькие ступни, при таком-то росте. Обувь ему теперь вряд ли понадобится?

Юлиус ответил, что на улице в такую рань, конечно, довольно прохладно, но что у Аллана риск застудить ноги много больше, чем у малого. Так что если ботинки малого придутся Аллану впору, надо просто брать их, да и все. Молчание ведь знак согласия.

Ботинки оказались Аллану великоваты, зато были крепкие и значительно удобнее для бегства, чем пара стоптанных домашних тапок.

Теперь предстояло вытащить малого в прихожую и перекантовать вниз по лестнице. Когда все трое уже находились на платформе (двое стоя и один лежа), Аллан поинтересовался, какие у Юлиуса дальнейшие планы.

– Никуда не уходи, – сказал Юлиус Аллану. – И ты тоже, – сказал он малому и, спрыгнув с платформы, направился в сарай около единственного запасного

пути.

В следующий момент Юлиус выехал из сарая на дрезине.

– Модель тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года. Попрошу занимать места.

На переднем месте сидел Юлиус и качал рычаг, Аллан у него за спиной крутил в такт педали, а справа от него восседал на стуле покойник, с головой, примотанной к палке от швабры, и в темных очках поверх остекленевших глаз.

Было без пяти одиннадцать, когда вся компания двинулась в путь. Три минуты спустя к заброшенному станционному зданию подъехал темно-синий «вольво». Из него вышел комиссар полиции Йоран Аронсон.

Здание выглядело несомненно заброшенным, но все равно не помешает осмотреть его повнимательнее, прежде чем отправиться дальше в деревню Бюринге и обходить там дом за домом.

Аронсон осторожно шагнул на платформу, вид которой вызывал некоторые опасения, открыл входную дверь и крикнул:

– Есть кто-нибудь?

Не услышав никакого ответа, он продолжил свой путь вверх по лестнице на второй этаж. А пожалуй что здание, как ни странно, обитаемо. В дровяной плите еще алели угли, на столе виднелся почти съеденный завтрак, накрытый на двоих.

А на полу – пара заношенных тапок.

• • •

Организация «Never Again» официально именовалась байкерским клубом, но была не чем иным, как небольшой группой молодых людей, отягощенных криминальным прошлым и руководимая человеком несколько старше и с еще большим криминальным стажем; и всех их к тому же по-прежнему объединяли

преступные устремления.

Имя руководителя группы было Пер-Гуннар Йердин, но никто не осмеливался звать его иначе как «Шеф», потому что сам Шеф так решил, а роста Шеф был почти двухметрового, весил ровно сто тридцать кило и любил помахать ножиком, чуть кто или что не по нем.

Шеф начинал свою криминальную карьеру довольно осмотрительно. Вместе со своим ровесником он импортировал в Швецию фрукты и овощи, всякий раз химича со страной-производителем, чтобы обойти государство в смысле налогов и слупить побольше денег с покупателя.

Всем хорош был компаньон Шефа, но совесть у него оказалась недостаточно пластичной. Шеф хотел перейти к делам покруче, например, добавлять в продукты формалин. Говорят, в Азии так и делают. Так вот идея Шефа была импортировать шведские фрикадельки с Филиппин, морем везти дешевле, а если положить в них как следует формалина, то фрикадельки, если надо, будут свежими три месяца подряд, даже и на тридцатиградусной жаре.

При таких низких закупочных ценах их даже и шведскими фрикадельками называть не придется, чтобы продать. Хватит и датскими, полагал Шеф, но компаньон отказался. По его мнению, формалин нужен, чтобы трупы бальзамировать, а не обеспечивать вечную жизнь фрикаделькам. Тут пути компаньонов разошлись, а с формалиновыми фрикадельками у Шефа так ничего и не вышло. Зато он сообразил, что можно надвинуть черную вязаную шапку на глаза и отобрать дневную выручку у более солидных конкурентов – компании «Стокгольм Фрутимпорт».

При помощи мачете и свирепого рева «а ну гони бабки, а то» он в один миг – к своему собственному изумлению – разбогател на пятьдесят одну тысячу крон. Стоило надрываться с этим импортом, когда можно зарабатывать хорошие деньги, практически не утруждаясь?!

Так и пошло. И шло большей частью неплохо – всего два краткосрочных вынужденных отпуска за двадцать лет индивидуального предпринимательства в области грабежа и разбоя.

Но по прошествии двух десятилетий Шеф решил, что дело пора расширять. Он нашел себе двух значительно более молодых помощников и начал с того, что дал им довольно нелепые прозвища (одного он назвал «Болт», а другого – «Хлам»), а потом провел два успешных ограбления инкассаторских машин.

Однако третье ограбление для всех троих закончилось сроком в четыре с половиной года в тюрьме Халль. Именно там Шефа посетила идея насчет «Never Again», и планы у него были вполне конкретные. Для начала клуб должен насчитывать не менее пятидесяти членов, работающих по трем направлениям: «грабеж», «наркотики» и «рэкет». Само название «Never Again» родилось из представления Шефа об организации, настолько профессиональной и сплоченной, что ее члены больше никогда не попадут ни в Халль, ни в любое другое пенитенциарное заведение. «Never Again» предстояло стать мадридским «Реалом» уголовного мира (Шеф обожал футбол).

Поначалу вербовка в стенах Халля шла как по маслу. Но однажды достоянием тюремной общественности стало письмо, присланное Шефу его мамой. В котором, среди прочего, она призывала Пера-Гуннара не водиться с плохими компаниями, беречь горлышко и выражала надежду, что скоро опять будет играть с ним в «остров сокровищ», когда малыш выйдет на свободу.

После этого не помогло даже то, что рассвирепевший Шеф чуть не порезал ножом нескольких югославов в очереди в тюремной столовой. Его авторитет был подорван раз и навсегда. Из тридцати завербованных в организацию двадцать семь из нее вышли. Кроме Болта и Хлама с ним остался еще один венесуэлец, Хосе Мария Родригес, потому что был тайно влюблен в Шефа, в чем не смел признаться даже самому себе.

Венесуэлец получил кличку «Каракас», в честь столицы его родины. Но больше никто во всем Халле в клуб так и не вступил, как ни ругался Шеф и как ни угрожал. И вот настал день, когда Шеф и трое его подручных вышли на свободу. Шеф совсем было отказался от идеи насчет «Never Again», когда случайно выяснилось, что у Каракаса есть приятель-колумбиец с довольно гибкой совестью и сомнительными знакомствами, и когда оба героя встретились, то Швеция стала, при посредстве «Never Again», транзитной страной, через которую колумбийский наркокартель переправлял свой товар в Восточную Европу. Сделки проворачивались все более масштабные, так что бизнес-направления «грабеж» и «рэкет» пришлось свернуть – за ненадобностью и в силу дефицита персонала.

• • •

Шеф собрал в Стокгольме военный совет с участием Хлама и Каракаса. Что-то стряслось с Болтом, этим растяпой, которому поручили провести крупнейшую транзакцию в истории клуба. Шеф утром вышел на связь с русскими, и те божились, что товар получили и деньги передали. Если курьер «Never Again» слинял с чемоданом бабла, то это уже проблема шведов. Но может, «Never Again» хочет забить стрелку и разобраться, тогда русские возражать не станут. Они приедут и разберутся, если что. Конкретно так разберутся.

Шеф исходил из того, что русские сказали правду (а кроме того, он почти не сомневался, что разбираться они умеют конкретнее, чем он сам). Мысли, что Болт мог сам и по доброй воле смыться с деньгами, Шеф не допускал: для такого Болт слишком туп. Или слишком умен, это с какой стороны посмотреть.

Остается одно – кто-то узнал о транзакции, подкараулил Болта в Мальмчёпинге или на обратном пути в Стокгольм, разделался с ним и завладел чемоданом. Но кто? Шеф обратил этот вопрос к участникам военного совета, но ответа не получил. Шеф не очень удивился; он давно уже пришел к мнению, что подручные у него придурки, все трое.

Как бы то ни было, на поиски он командировал Хлама, полагая, что придурок Хлам все же не до такой степени придурок, как придурок Каракас. Так что у придурка Хлама, пожалуй, больше шансов найти придурка Болта, а то и вообще чемодан с деньгами.

– Поедешь в Мальмчёпинг, Хлам, и все разнюхаешь на месте. Только оденься в штатское, а то там как раз сегодня полно полиции. Какой-то столетний дед сбежал, что ли.

• • •

Юлиус, Аллан и покойник катили на дрезине через сёдерманландские леса.

Около Видчэрра они имели несчастье нарваться на какого-то фермера, имени которого Юлиус не знал. Фермер расхаживал, обозревая свои плантации, когда

вдруг выкатилась троица на дрезине.

– Доброе утро, – сказал Юлиус.

– Хорошая погодка, – сказал Аллан.

Покойник и фермер не сказали ничего. Но последний посмотрел на троицу долгим взглядом.

Чем ближе дрезина подъезжала к Окерскому Заводу, тем удрученней делался Юлиус. Он рассчитывал, что на пути попадется какое-нибудь озерцо или речка, куда можно будет спихнуть покойника. Но ничего такого так и не попалось. Юлиус еще не успел ни до чего додуматься, а дрезина уже въехала в промзону бывшего пушечного завода. Юлиус потянул за тормоз и вовремя успел остановить машину. Покойник повалился вперед и ударился лбом о железный рычаг.

– Небось больно было бы при других обстоятельствах, – сказал Аллан.

– У смерти есть свои плюсы, – сказал Юлиус.

Юлиус слез с дрезины и встал за березой, чтобы осмотреть местность. Гигантские ворота заводского корпуса были распахнуты, но народу вокруг не наблюдалось. Юлиус глянул на часы. Десять минут первого. Обеденный перерыв, сообразил он, и взгляд его упал на большой контейнер. Юлиус сообщил, что отлучится ненадолго для небольшой рекогносцировки. Аллан пожелал Юлиусу удачи и попросил не заблудиться. С этим большого риска не было, поскольку от контейнера их отделяло всего метров тридцать. Юлиус залез внутрь, скрывшись из поля зрения Аллана примерно на минуту. Затем показался снова. Уже вернувшись к дрезине, Юлиус сообщил, что теперь знает, что делать с покойником.

Контейнер был наполовину заполнен какими-то цилиндрами, не меньше метра в диаметре и минимум три в длину, каждый упакован в отдельный деревянный пенал с дверцей в торце. Аллан буквально из сил выбился, пока тяжелый труп наконец не уложили в один из двух цилиндров в самой середине контейнера. Но закрыв деревянную дверцу пенала и прочитав наклейку с адресом, Аллан приободрился.

Аддис-Абеба.

– Он еще и мир поглядит, если глаза не закроет, – сказал Аллан.

– Поторопись, старина, – ответил Юлиус. – Нельзя нам тут задерживаться.

Операция прошла успешно, оба старика вернулись под прикрытие берез задолго до того, как на заводе закончился обеденный перерыв. Они присели на дрезину отдохнуть, и как раз в этот миг заводская территория ожила. На грузовике подвезли новые цилиндры, и контейнер наполнился доверху. Тогда водитель грузовика закрыл контейнер на засов, привез новый и продолжил погрузку.

Аллан заинтересовался, что именно тут производится. Юлиус знал только, что это завод с традициями – еще в XVII веке, во время Тридцатилетней войны, тут отливали пушки и поставляли их всем желающим убивать ближних с максимальной результативностью.

Аллан заметил, что взаимное убийство в XVII веке выглядит делом довольно-таки пустым. Можно было бы зря не трудиться – все равно рано или поздно все померли. Юлиус отвечал, что это, пожалуй, верно и в любые другие времена, но продолжил, что перерыв вообще-то закончен и пора сматываться подобру-поздорову. Нехитрый план Юлиуса предполагал, что приятели подберутся поближе к центру Окера, а там уж поглядят что и как.

• • •

Комиссар Аронсон прошелся по всему вокзальному зданию платформы Бюринге, но не обнаружил ничего интересного, кроме тапок, которые, по всей видимости, принадлежали столетнему юбиляру. Их надо будет прихватить с собой, показать потом персоналу интерната.

Да, еще на полу виднелись мокрые пятна, которые вели в морозильную комнату с отключенной системой охлаждения и дверью нараспашку. Но ведь их серьезной уликой никак не назовешь.

Так что Аронсон отправился дальше, в деревню Бюринге, чтобы обойти все дома. В трех из них ему удалось застать обитателей, и от всех трех семейств комиссар узнал, что на втором этаже вокзала живет некий Юлиус Юнсон, что этот Юлиус Юнсон – мошенник и вор, с которым никто не желает иметь дело, и что никто не видел и не слышал ничего странного ни вчера вечером, ни позже. Но что Юлиус Юнсон замешан в каких-то делишках, в этом никто даже не сомневался.

– Да упеките вы его, – требовал самый сердитый из соседей.

– За что? – удивился комиссар.

– За то, что он таскает яйца из моего курятника, что он спер у меня новые санки прошлой зимой, перекрасил и сказал, что они его, что он себе книжки заказывает на мое имя и забирает их у меня из почтового ящика, так что по счету платить мне приходится, а еще он самогонку пытался продать моему сыну, а парню всего четырнадцать, а еще он…

– Да ладно, хорошо, упеку, – заверил комиссар. – Осталось его найти.

Аронсон развернулся и направился в сторону Мальмчёпинга, и успел проехать с полдороги, когда зазвонил телефон. Это были коллеги из информационного центра. Фермер Тенгрут из Видчэрра сообщил по телефону занятную вещь. Примерно с час назад через его владения по заброшенной одноколейке между Бюринге и Окерским Заводом проезжал на дрезине известный местный жулик. Вместе с ним ехали старый дед с большим чемоданом и молодой человек в темных очках. Молодой человек показался фермеру Тенгруту главным из троих. Хоть и сидел босиком, в одних носках…

– Черт меня побери, если я теперь хоть что-нибудь понимаю, – сказал комиссар Аронсон и вновь развернул машину – так резко, что тапки свалились на пол с пассажирского кресла.

• • •

Через пару сотен метров Аллан, и прежде шагавший небыстро, уже едва переставлял ноги. Он не жаловался, но Юлиус понял, что колени у Аллана разболелись не на шутку. Впереди, чуть справа, виднелась уличная закусочная.

Юлиус пообещал Аллану, если тот дойдет до нее, угостить его хот-догом, на это уж как-нибудь денег хватит, а потом организовать им обоим транспорт. Аллан отвечал, что никогда в жизни не жаловался на мелкие болячки и теперь не собирается, однако хот-дог был бы очень кстати.

Юлиус ускорил шаг, Аллан заковылял следом. Когда Аллан добрался до закусочной, Юлиус уже наполовину управился со своей сосиской, жаренной на гриле. И успел не только это.

– Аллан, – сказал он, – познакомься с Бенни. Теперь он наш персональный водитель.

Бенни был владелец уличной закусочной, сохранивший в свои пятьдесят с гаком шевелюру в полном объеме, включая конский хвост на затылке. У Юлиуса ушло около двух минут, чтобы приобрести у него один хот-дог, одну фанту, а также один Беннин серебристый «мерседес» последней модели вместе с самим Бенни, и все это за сто тысяч крон.

Аллан смотрел на владельца закусочной, который все еще стоял на своем посту перед окошком.

– Так мы вас что, тоже купили или просто наняли? – произнес он наконец.

– Машина куплена, водитель нанят, – отвечал Бенни. – Для начала на десять дней, а потом, конечно, снова придется договариваться. Сосиски, кстати, входят в общую сумму. Венскими не соблазнитесь?

Нет, соблазнить Аллана не удалось. Он хотел бы простую вареную сосиску, если можно. А еще, на его взгляд, сто тысяч за такую старую машину, даже вместе с шофером, – это явно многовато, так что по справедливости ему полагается еще и чашка горячего шоколада.

На это Бенни пошел без возражений. Одной пачкой растворимого шоколада «Пюкко» больше или меньше – не все ли равно, если он так и так бросит свое заведение? Все равно дела в минусе; идея держать уличную закусочную в Окерском Заводе оказалась такой же неудачной, какой выглядела с самого начала.

Дело в том, сообщил Бенни, что он еще до того, как господа так вовремя появились, подумывал сменить работу. Правда, профессия персонального водителя ему в голову не приходила.

В свете сказанного владельцем закусочной Аллан предложил Бенни загрузить целую коробку «Пюкко» в багажник. Юлиус, со своей стороны, пообещал, что Бенни при первой же возможности получит форменную водительскую фуражку, если сейчас же снимет свой белый поварской колпак и выйдет наконец из закусочной, потому как пора уже отправляться.

Бенни полагал, что в обязанности водителя пререкания с работодателем не входят, и потому сделал, как велели. Поварской колпак отправился в мусорный бачок, а «Пюкко» – в багажник, вместе с несколькими бутылками фанты. Чемодан же Юлиус решил взять с собой в салон на заднее сиденье. А впереди пусть сядет Аллан, там есть, где ноги вытянуть.

И вот прежний владелец единственной во всем Окерском Заводе уличной закусочной сел наконец за руль «мерседеса», еще несколько минут назад принадлежавшего ему, а теперь честно перепроданного двоим усевшимся в машину джентльменам.

– Куда господа ехать желают? – поинтересовался Бенни.

– Что если, скажем, на север? – поинтересовался Юлиус.

– Давай, – сказал Аллан. – Или на юг.

– Значит, на юг, – сказал Юлиус.

– На юг так на юг, – сказал Бенни и включил передачу.

Десять минут спустя в Окер прибыл комиссар Аронсон. И, едва окинув взглядом железнодорожное полотно, заметил у самого въезда на завод старую дрезину.

Но никаких видимых улик на дрезине не наблюдалось. На заводском дворе рабочие загружали какие-то цилиндры в контейнеры. Когда появилась эта

дрезина, никто из них не видел. Зато заметили, что двое пожилых мужчин проходили вдоль путей сразу после обеденного перерыва, один – с чемоданом на колесах, а следом, немного поотстав, другой. Оба шли в сторону автозаправки и уличной закусочной, но куда потом девались, никто не знал.

Аронсон переспросил, точно ли мужчин было двое, а не трое. Однако никакого третьего с ними рабочие не видели.

Проезжая мимо заправки и сосисочного ларька, Аронсон размышлял над вновь открывшимися обстоятельствами. Они только осложняли дело – одно с другим никак не стыковалось.

Начать он решил с того, что остановился у закусочной. Он успел немного проголодаться, так что заморить червячка было бы очень кстати. Но та, естественно, оказалась закрыта. Нет смысла держать закусочную в таком безлюдном месте, подумал Аронсон и направился дальше к заправке. Там ничего не видели и не слышали. Но, по крайней мере, смогли продать Аронсону хот-дог, который, правда, попахивал бензином.

Наскоро пообедав, Аронсон отправился дальше – в супермаркет «Ика», в цветочный магазин и в бюро продажи недвижимости. Он останавливался и расспрашивал немногочисленных окерских заводчан, вышедших погулять с собаками, колясками или законными половинами. Но нигде не нашлось никого, кто бы видел двоих или троих мужчин с чемоданом. Между заводом и бензозаправкой «Статойл» след в буквальном смысле обрывался. Комиссар Аронсон решил вернуться в Мальмчёпинг. При себе у него имелась пара тапок, нуждавшихся в опознании.

• • •

Прямо из машины комиссар полиции Йоран Аронсон позвонил окружному полицмейстеру и доложил о состоянии дел. Окружной полицмейстер очень обрадовался, поскольку в 14 часов предстояла пресс-конференция в гостинице «Плевнагорден», а сказать ему покамест было нечего.

Склада полицмейстер был отчасти артистического и излишней дотошности в работе по возможности избегал. А теперь благодаря Аронсону он получил ту

деталь, которой ему как раз не хватало для сегодняшней импровизации.

Так что во время пресс-конференции полицмейстер успел разойтись вовсю, прежде чем Аронсон добрался до Мальмчёпинга и попытался его остановить (чего ему все равно не удалось). Полицмейстер заявил, что исчезновение Аллана Карлсона в самом деле перерастает в криминальную драму с похищением человека, как это еще накануне предположила местная газета у себя на сайте. Кроме того, у полиции есть основания считать, что Карлсон жив, но угодил в руки представителей уголовного мира.

Вопросов у журналистов было, разумеется, немало, но полицмейстер отбивался виртуозно. Пока что он может сообщить только то, что Карлсона и его предполагаемых похитителей видели в местечке Окерский Завод буквально сегодня в обед. А также призвать общественность, лучшего друга полиции, сообщать обо всех собственных наблюдениях.

К огорчению окружного полицмейстера, телевизионщики уже уехали. Этого бы не случилось, добудь копуша Аронсон сведения насчет похищения хоть чуточку раньше. Но «Экспрессен» и «Афтонбладет», во всяком случае, никуда не делись, как и местная газета, и местная корреспондентка. А позади всех в ресторане гостиницы «Плевнагорден» стоял мужчина, которого вчера окружной полицмейстер вроде бы не видел. Может, информационщик из «ТТ»?

Но Хлам был не из «ТТ», он был от Шефа из Стокгольма. И тут как раз начал проникаться мыслью, что Болт все-таки смылся вместе с баблом. В таком случае Болт считай покойник.

• • •

Когда в гостиницу «Плевнагорден» прибыл комиссар Аронсон, пресса уже разбредалась. По пути Аронсон остановился возле интерната и получил подтверждение того, что найденные тапки принадлежали Аллану Карлсону (сестра Алис понюхала их и, скривившись, кивнула).

В фойе гостиницы Аронсон имел несчастье столкнуться с окружным полицмейстером, был тут же проинформирован о пресс-конференции и получил задание разрешить эту драму, желательно так, чтобы не возникло никаких

логических противоречий между действительностью и тем, что полицмейстер уже сообщил сегодня представителям прессы.

После чего удалился – предстояло еще много всякого. Например, настал момент подключить к делу прокурора.

Аронсон уселся с чашкой кофе, чтобы обдумать результаты своих разъездов. Из всех вопросов, требующих осмысления, Аронсон выбрал взаимоотношения внутри троицы на дрезине. Если Тенгрут не ошибся и Карлсон с Юнсоном действительно находились под прессингом пассажира дрезины, это означает драму с захватом заложника. Именно такую теорию окружной полицмейстер только что озвучил на своей пресс-конференции, что вряд ли говорит в пользу теории. Окружной полицмейстер вообще редко оказывался прав. Кроме того, имелись свидетели, видевшие, как Карлсон с Юнсоном шли пешком по Океру – и чемодан был при них. Значит ли это, что старички Карлсон и Юнсон сумели-таки по дороге одолеть молодого и крепкого парня из группировки «Never Again» и сбросить его в какой-нибудь кювет?

Маловероятно, но не исключено. Аронсон снова решил вызвать собаку из Эскильстуны. Ей и ее кинологу предстояла долгая прогулка от фермы Тенгрута до завода в Окере. Ведь где-то между двумя этими объектами и пропал член группировки «Never Again».

Карлсон же с Юнсоном, в свою очередь, бесследно исчезли где-то между грузовым двором завода и бензоколонкой «Статойл», на отрезке в двести метров. Исчезли с поверхности земли, так что ни одна душа не видела – как корова языком слизнула. Единственное, что есть на этом отрезке, – это закрытая уличная закусочная.

Тут у Аронсона зазвонил мобильный. Информационный центр получил новые сведения. На этот раз столетний старик замечен в Мьёльбю, на переднем сиденье «мерседеса», возможно похищенный водителем машины – мужчиной средних лет с конским хвостом.

– Уточнить информацию? – спросил коллега из Эскильстуны.

– Не надо, – вздохнул Аронсон.

За свою долгую комиссарскую жизнь Аронсон уж чему-чему, а этому научился – отличать достоверную информацию от шлака. Единственное утешение, когда все остальное покрыто мраком.

• • •

Бенни остановился в Мьёльбю заправиться. Юлиус осторожно приоткрыл чемодан и выдал пятисотку на бензин.

Потом Юлиус сказал, что пойдет чуток ноги разомнет, и попросил Аллана посидеть в машине и постеречь чемодан. Аллан, уставший от дневных треволнений, обещал не двигаться с места.

Бенни управился первым и снова уселся за руль. Следом вернулся Юлиус, скомандовал «вперед!», и «мерседес» продолжил путь в южном направлении.

Через короткое время Юлиус на заднем сиденье принялся чем-то шуршать. И протянул Аллану и Бенни открытую пачку шоколадных конфет «Полли»:

– Глядите, что я прихватил!

Аллан поднял брови:

– Ты украл кулек конфет, когда у нас в чемодане пятьдесят миллионов?

– А у вас в чемодане пятьдесят миллионов? – спросил Бенни.

– Опаньки, – сказал Аллан.

– Не совсем, – сказал Юлиус. – За минусом твоих ста тысяч.

– И пятисотки на бензин, – добавил Аллан.

Бенни умолк на несколько секунд.

– Значит, у вас в чемодане сорок девять миллионов восемьсот девяносто девять тысяч пятьсот крон?

– А ты хорошо считаешь, – сказал Аллан.

Тут опять наступило молчание. А потом Юлиус заметил, что, пожалуй, даже и лучше – объяснить шоферу все начистоту. Если после этого Бенни пожелает разорвать контракт между сторонами, то так тому и быть.

• • •

Наиболее неприятным во всей истории Бенни показалось то, что человека отправили к праотцам, а затем еще и на экспорт. Но это, в сущности, был несчастный случай, хоть и не без воздействия алкоголя. Сам Бенни алкоголем не интересовался.

Поразмыслив еще, новоиспеченный водитель пришел к заключению, что пресловутые пятьдесят миллионов первоначально попали не в те руки и что теперь они, пожалуй, принесут человечеству больше пользы. Да и увольняться с новой работы в первый же рабочий день – это как-то не очень. Поэтому Бенни пообещал, что останется на должности, и поинтересовался, какие у господ пассажиров дальнейшие планы. До сих пор задавать такой вопрос ему не хотелось – Бенни не относил любопытство к числу достоинств персонального водителя, – но теперь он отчасти и сообщник. Аллан и Юлиус признались, что планов никаких не имеют. Но ведь можно и дальше ехать туда, куда ведет дорога, пока не начнет смеркаться, а там куда-нибудь свернуть и обсудить вопрос более предметно. На том и порешили.

– Пятьдесят миллионов, – произнес Бенни и, улыбнувшись, включил первую скорость.

– Сорок девять миллионов восемьсот девяносто девять тысяч пятьсот, – поправил Аллан.

Тут Юлиус пообещал бросить воровать ради воровства как такового. Будет, конечно, непросто – ведь это дело у него в крови и ничего другого он просто не умеет. Тем не менее он обещает, а про Юлиуса можно сказать, сказал Юлиус,

что он редко что обещает, но что пообещал, то выполнит, раз уж обещано.

Поездка продолжалась в молчании. Аллан дремал на переднем сиденье. Юлиус поедал очередную шоколадку на заднем. А Бенни мурлыкал песенку, сам не зная какую.

• • •

Если журналист вечернего таблоида пронюхает про какую-нибудь историю, его уже не остановишь. Не прошло и нескольких часов, как у корреспондентов «Экспрессен» и «Афтонбладет» сложилась гораздо более ясная картина развития событий, чем та, которую изложил окружной полицмейстер на послеобеденной пресс-конференции. На этот раз «Экспрессен» обошла «Афтонбладет»: ее репортер первым добрался до администратора Ронни Хюльта – приехал к нему домой и, пообещав раздобыть бойфренда для его затосковавшей кошки, уговорил последовать с ним, репортером «Экспрессен», в Эскильстуну и переночевать в отеле, вне досягаемости «Афтонбладет». Сперва Хюльт боялся рассказывать, памятуя об угрозах малого, но репортер, во-первых, пообещал ему анонимность, а во-вторых, заверил, что Хюльту теперь опасаться нечего: теперь этот байкерский клуб знает, что за дело взялась полиция.

Но одним Хюльтом «Экспрессен» не ограничилась. В ее сети угодил также и водитель автобуса, равно как обитатели деревни Бюринге, фермер из Видчэрра и кое-какая публика из Окерского Завода. Все это вместе взятое повлекло за собой несколько статей уже в следующем номере. Разумеется, не без многочисленных ложных допущений, но, с учетом обстоятельств, это была хорошая журналистская работа.

• • •

Серебристый «мерседес» катился по дороге. Вскоре задремал и Юлиус. На переднем сиденье храпел Аллан, на заднем – Юлиус. Так что Бенни выбирал маршрут по собственному разумению. В Мьёльбю он решил покинуть европейскую трассу, предпочтя шоссе на Транос. А добравшись туда, не стал останавливаться, а продолжил путь на юг. Проехав немного через лен Крунуберг, он опять свернул, теперь уже в самые что ни на есть смоландские леса. Там Бенни рассчитывал найти подходящий ночлег.

Аллан проснулся и поинтересовался, не пора ли укладываться спать. Разбуженный их разговором, проснулся и Юлиус. Он огляделся – кругом был лес – и спросил, где они вообще-то находятся. В нескольких милях к северу от Векшё, сообщил Бенни. И добавил, что тут немножко поразмыслил, пока господа спали, и подумал, что для ночлега лучше бы найти какое-нибудь жилье понеприметней. Они, разумеется, не знают, кто именно за ними гонится, но тому, кто присвоил пятьдесят криминальных миллионов, вряд ли стоит рассчитывать на покой, если не прикладывать к этому определенных усилий. Поэтому Бенни и свернул с шоссе, которое привело бы их в Векшё, и теперь они приближаются к гораздо более скромному местечку Роттне. Идея Бенни состояла в том, чтобы посмотреть, нет ли там какой-нибудь гостиницы, где можно было бы остановиться.

– Ход мысли верный, – похвалил Юлиус. – Но не совсем.

Юлиус развил свои соображения. В Роттне в лучшем случае обнаружится какая-нибудь маленькая и захудалая гостиница, куда не ступала нога человека. И если вдруг туда под вечер заявятся без предварительного бронирования трое мужчин, то в городишке это вряд ли останется незамеченным. Лучше поискать какую-нибудь усадьбу или хутор среди леса и за некоторые деньги попросить ночлега и немного еды.

Признав, что Юлиус рассудил умно, Бенни свернул на первую же неприметную грунтовку, какую увидел.

Уже начало темнеть, когда троица после четырех с гаком петляющих километров заметила почтовый ящик на обочине дороги. На ящике было написано «Хутор Шёторп», а рядом имелся съезд с дороги, ведущий предположительно как раз туда. Предположение оказалось верным. Через сто метров по узкой извилистой дорожке показался дом. Настоящий хуторской дом, крашенный красной охрой, с белыми наличниками и наугольниками, двухэтажный, рядом хлев, а чуть в отдалении, возле озера – сарай, где когда-то, видимо, держали плуги и бороны.

Вид все это имело обжитой, и Бенни медленно подъехал на «мерседесе» к дому. Тут в дверях показалась женщина младшего среднего возраста, с огненно-рыжими взъерошенными волосами и в еще более огненного цвета спортивном костюме, с овчаркой, идущей у ноги.

Компания вылезла из «мерседеса» и двинулась навстречу. Юлиус покосился на собаку, но стремления напасть та не выказывала. Наоборот, смотрела на гостей с любопытством и почти дружелюбно.

Так что Юлиус рискнул отвести от нее взгляд и повернуться к женщине. Он вежливо пожелал ей доброго вечера и изложил всеобщее пожелание относительно ночлега и, возможно, чуточки еды.

Женщина окинула взором всю честную компанию: один совсем старик, другой почти совсем, а третий… третий, надо признать, ничего мужик! И возраст подходящий. И конский хвост! Она улыбнулась, и Юлиус решил уже, что сейчас им дадут добро, но рыжая сказала:

– Тут вам, черт побери, не гостиница!

Ай-яй-яй, подумал Аллан. Ему ужасно хотелось поесть и прилечь. Жизнь оказалась делом страшно изнурительным – теперь, когда он решился наконец прожить еще один ее кусочек. Что ни говори про интернатское существование, но там, по крайней мере, мышцы не болели, словно после тренировок.

Юлиус, который тоже выглядел обескураженным, сказал, что он и его друзья заблудились и устали и что они, конечно же, готовы заплатить, если их пустят переночевать. Без еды, в крайнем случае, можно и обойтись.

– По тыще крон за каждого, если только позволите нам где-нибудь приткнуться, – с места в карьер предложил он.

– По тыще? – переспросила женщина. – Удираете, что ли?

Юлиус ушел от ответа на этот прицельный вопрос и снова пустился в рассуждения, что едут они уже долго и что сам он, может, как-нибудь и обошелся бы, но Аллан как-никак в годах.

– Мне вчера сто лет стукнуло, – жалобным голосом вставил Аллан.

– Сто лет? – почти испуганно переспросила женщина. – Ух ты дьявол!

Тут она замолчала, словно призадумавшись.

– Ладно, дьявол с вами, – сказала она наконец. – Можете оставаться. Только чтоб ни про какие тыщи крон я больше не слышала. Сказано же – тут вам, черт побери, не гостиница!

Бенни воззрился на нее в восхищении. Он еще не встречал женщины, способной за такое короткое время столько раз выругаться. На его слух, это звучало пленительно.

– Моя прекрасная, – сказал он, – можно погладить собачку?

– Моя прекрасная? – переспросила женщина. – Совсем слепой, что ли? Да гладь, гладь, дьявол с тобой. Бастер добрый. Занимайте комнаты на втором этаже, каждому по комнате, места там навалом. Белье чистое, но осторожнее, там на полу крысиный яд. Ужин будет через час.

И женщина направилась впереди троих гостей в сторону хлева, сопровождаемая Бастером, преданно шагающим у правой ноги. Бенни окликнул ее и спросил, есть ли у прекрасной имя. Та ответила, не оборачиваясь, что звать ее Гунилла, но что «прекрасная» тоже звучит, так что «можешь продолжать в том же духе, дьявол с тобой». Бенни пообещал.

– Мне кажется, я влюбился, – сказал он.

– А я точно знаю, что устал, – сказал Аллан.

В этот миг из хлева донесся низкий рев, заставивший даже до смерти уставшего Аллана вытаращить глаза. Голос явно принадлежал очень крупному животному, которого, возможно, мучали.

– Чего орать-то так, Соня, – сказала Прекрасная. – Иду я уже, черт тебя дери!

Глава 7

1929–1939

Юксхюльтский хутор являл собой зрелище нерадостное. За годы, пока Аллан находился на попечении профессора Лундборга, участок зарос лесом. Ветер посрывал с крыши черепицу, и она валялась вокруг, нужник по какой-то причине завалился набок, а одно из кухонных окон стояло нараспашку, так что створки хлопали на ветру.

Так что Аллан справил малую нужду у крыльца. Потом вошел и уселся на своей пыльной кухне. Окно закрывать не стал. Хотелось есть, но он подавил порыв заглянуть в кладовку и проверить, что там осталось. Было ясно, что особой радости это знание ему не доставит.

Он тут родился и вырос, но никогда в жизни не чувствовал себя таким бесприютным, как теперь. Не пора ли оборвать эту последнюю нить и уйти отсюда? Да, решено.

Аллан отыскал свои динамитные шашки и сделал необходимые приготовления, прежде чем погрузить на велосипедную тележку все, что имел ценного. И в июньских сумерках отправился прочь из Юксхюльта, прочь из Флена. Ровно тридцать минут спустя сдетонировал заряд динамита. Изба взлетела на воздух, и у коровы ближайшего соседа снова случился выкидыш.

Спустя еще час Аллан уже сидел в полицейском участке во Флене и ужинал, внимая ругани полицмейстера Крука. Полиция Флена только что обзавелась машиной и довольно быстро смогла поймать человека, только что разнесшего в щепки собственный дом.

В этот раз статья обвинения была более очевидной.

– Причинение разрушений общеопасным способом, – провозгласил полицмейстер Крук.

– Вы не могли бы мне передать хлеб? – попросил Аллан.

Нет, полицмейстер Крук этого не мог. И на чем свет костерил беднягу-стажера, который по слабости характера пошел навстречу желанию нарушителя

поужинать. Тем временем Аллан все доел и дал себя препроводить в ту же самую камеру, что и в прошлый раз.

– Тут у вас свежая газетка нигде не завалялась? – поинтересовался Аллан. – В смысле на ночь почитать.

В ответ полицмейстер Крук выключил свет и захлопнул дверь. А на другое утро первым делом позвонил «в тот сумасшедший дом» в Упсалу: пусть приезжают и забирают этого Аллана Карлсона.

Но сотрудник Бернхарда Лундборга и слушать не стал. Карлсон уже обработан, теперь им надо других холостить и изучать. Знал бы господин полицмейстер, от какого только народа не приходится спасать нацию: тут тебе и евреи, и цыгане, и негры, и полунегры, и умственно неполноценные, и много какие еще. Если господин Карлсон взорвал свое жилье, это еще не основание для новой поездки в Упсалу. И вообще, не кажется ли господину полицмейстеру, что с собственным домом человек волен поступать, как ему вздумается? Мы ведь в свободной стране.

В конце концов полицмейстер Крук положил трубку. Толку от этих городских все одно не добьешься. И пожалел, что не дал Карлсону покинуть окрестности накануне вечером, как тот и собирался. Так и получилось, что утром после успешных переговоров Аллан Карлсон снова уселся на свой велосипед с прицепом. В дорогу ему был выдан сухой паек на трое суток и пара одеял на случай холодов. На прощание он помахал полицмейстеру Круку, не ставшему махать в ответ, и устремился, крутя педали, на север, потому что эта сторона света, на взгляд Аллана Карлсона, ничем не хуже трех остальных.

Под вечер дорога привела его к Хеллефорснесу – что было уже неплохо. Аллан уселся на лужайке, расстелил одно из одеял и открыл пакет с едой. Жуя ломоть солодового хлеба с копченой колбасой, он разглядывал представшее перед ним заводское здание. Перед заводом высилась гора литых орудийных стволов. Тому, кто делает пушки, подумал Аллан, возможно, нужен кто-то, кто бы позаботился, чтобы то, чему следует взрываться, делало это как следует. Он рассудил, что уехать как можно дальше от Юксхюльта не самоцель. Хеллефорснес его вполне устроит. Если, конечно, тут найдется работа. Возможно, умозаключение, связывающее пушечные стволы с возможной потребностью в его, Аллана, специальных знаниях, было несколько наивным. Тем не менее оно оказалось верным. После короткой беседы с хозяином завода, в ходе которой Аллан

изложил избранные места из собственной биографии, он получил работу взрывотехника.

И решил, что ему тут, пожалуй, даже нравится.

• • •

Производство пушек на литейном заводе шло ни шатко ни валко, а заказов больше не становилось – вернее, их становилось меньше. После окончания мировой войны Пер Альбин Ханссон, министр обороны, срезал военные ассигнования, как ни скрипел зубами Густав V у себя во дворце. Пер Альбин, как человек аналитического склада, рассудил, что, по зрелом размышлении, перед войной Швеции, пожалуй, и стоило бы вооружиться получше, но теперь, десять лет спустя, смысла в этом нет. К тому же теперь есть Лига Наций.

Для литейного завода в Хеллефорснесе это означало частичное перепрофилирование и сокращение рабочих мест.

Но Аллана это не коснулось, взрывотехники – народ дефицитный. Фабрикант едва поверил своим глазам и ушам, когда перед ним в один прекрасный день предстал Аллан, оказавшийся экспертом по всем возможным взрывчатым веществам. Прежде приходилось целиком полагаться на единственного имевшегося подрывника – то еще, прямо сказать, удовольствие, поскольку он был иностранец, по-шведски едва говорил и вдобавок весь порос черным волосом. Можно ли на такого полагаться хоть в чем-то? Впрочем, особого выбора у фабриканта не было.

Однако Аллан людей по масти не делил, а разговоры профессора Лундборга на этот счет полагал блажью. Более того, теперь он мечтал встретить настоящего негра – ну или негритянку, не важно. И с восторгом прочитал в газетах, что в Стокгольме скоро выступит Джозефин Бейкер. Но пока придется довольствоваться обществом Эстебана, белого, но темноволосого испанского коллеги-подрывника.

Аллан и Эстебан быстро поладили. К тому же они делили каморку в рабочем бараке. Эстебан поведал о своем драматическом прошлом. На одном мероприятии в Мадриде он встретил девушку и тайком вступил с ней в некие

вполне невинные отношения, не зная, что она дочь самого премьер-министра Мигеля Примо де Риверы. А с такими людьми не ссорятся. Ривера правил страной как хотел, помыкая беспомощным королем. Эстебан уверял, что премьер-министр – это просто вежливое наименование диктатора. Но дочка у него хороша до безумия!

Пролетарское происхождение Эстебана потенциального тестя совершенно не устраивало. Поэтому на первой, и единственной, встрече с Примо де Риверой Эстебану предложили альтернативу – либо унести ноги как можно дальше от испанской земли, либо получить выстрел в затылок.

Пока Примо де Ривера снимал свою винтовку с предохранителя, Эстебан успел ответить, что уже сделал выбор в пользу варианта номер один, и торопливо попятился прочь, чтобы не показать затылка человеку с ружьем, и даже не взглянул в ту сторону, где всхлипывала его девушка.

Унести ноги как можно дальше, думал Эстебан, и отправился на север, а оттуда еще дальше на север, а оттуда еще севернее, и наконец в такую северную даль, где зимой озера от холода превращаются в лед. И решил, что, пожалуй, хватит. Тут и остался. Работу на литейном заводе он получил три года назад благодаря католическому священнику, который помог перевести, прости его, Господи, выдуманную историю, будто в Испании Эстебан занимался взрывчатыми веществами, тогда как на самом деле основным его занятием был сбор помидоров.

Впоследствии Эстебан худо-бедно выучился изъясняться по-шведски и стал вполне сносным взрывотехником. А под руководством Аллана сделался настоящим профессионалом.

• • •

В бараке литейного завода Аллану жилось неплохо. Уже год спустя он, благодаря Эстебану, прилично объяснялся на испанском. Спустя два года заговорил почти бегло. Но понадобилось целых три года, чтобы Эстебан оставил наконец попытки втемяшить Аллану свою испанскую версию всемирного социализма. Эстебан все средства перепробовал, но Аллан не поддавался. Эта сторона личности закадычного приятеля оказалась для Эстебана загадкой. Не то чтобы Аллан имел альтернативные взгляды на порядок вещей и возражал:

дескать, все должно быть на самом деле совсем наоборот, – нет, у него словно вообще никаких взглядов не было. Или, может быть, в этом и состояли его взгляды? В конце концов Эстебану ничего не осталось, кроме как смириться с непостижимым.

Аллан, со своей стороны, столкнулся с той же проблемой. Эстебан – хороший товарищ. А что он отравился этой окаянной политикой – так что ж тут поделать? Небось не он один.

Времена года успели сменить друг друга еще раз, прежде чем жизнь Аллана приняла новый оборот. Началось с того, что Эстебан получил известие – Примо де Ривера ушел в отставку и бежал из страны. Там явственно наметилась демократия, а то и вообще социализм, и Эстебан такого пропустить не мог.

И поэтому решил как можно скорее возвращаться домой. Литейное дело идет все хуже, поскольку сеньор Пер Альбин решил, что никакой войны больше не будет. А у дружищи Аллана какие планы? Может, и он тоже поедет, за компанию?

Аллан призадумался. С одной стороны, никакая революция его не привлекала, ни испанская, ни любая другая. Она приведет лишь к новой революции, только в обратную сторону. С другой стороны, Испания все же заграница, как и все другие страны, кроме Швеции, и, столько прочитав про эту самую заграницу, стоило бы разок поглядеть, что она такое на самом деле. А вдруг по дороге им встретится еще и негр-другой?

Когда Эстебан пообещал, что по пути в Испанию уж какой-нибудь негр им точно попадется, не принять приглашения Аллан попросту не мог. И друзья перешли к обсуждению более практических вопросов. При этом они сразу сошлись во мнении, что владелец литейного заводика – «безмозглый осел» (они именно так выразились) – не заслуживает, чтобы его брали в расчет. Поэтому было решено дождаться субботнего конверта с зарплатой, после чего удалиться не прощаясь.

Так что в воскресенье Аллан и Эстебан встали в пять утра и на велосипеде с прицепом отправились на юг, в сторону Испании. По пути Эстебан предложил не упустить случая и остановиться возле дома фабриканта, чтобы справить полный комплект утренних нужд в ежедневно доставлявшийся к калитке виллы бидон с парным молоком. Главным образом из тех соображений, что все эти годы

фабрикант и оба его сына-подростка обзывали Эстебана «обезьяной».

– Месть не лучшее дело, – заметил Аллан. – Это как политика: только начни – за одним пойдет другое, было плохо, а станет еще хуже, пока не сделается так, что хуже некуда.

Но Эстебан стоял на своем. Мало ли что у человека руки немножко волосатые и он говорит на фабрикантовом языке не совсем безупречно, это же не превращает его в обезьяну?

С этим Аллан согласился, и друзья пришли к справедливому компромиссу. Эстебан может справить в бидон малую нужду, но не большую.

Так и получилось, что на литейном заводике в Хеллефорснесе вместо двух подрывников не стало ни одного. Свидетели тем же утром успели наябедничать фабриканту, что видели Аллана и Эстебана на велосипеде с прицепом и что те направлялись в Катринехольм, если не еще дальше на юг. Так что фабрикант уже был готов к предстоящей на следующей неделе острой нехватке персонала, когда сидел на террасе своей фабрикантской виллы и задумчиво потягивал молоко из стакана, учтиво поданного Сигрид вместе с миндальным печеньем. Настроение фабриканту еще больше испортило то, что вкус у печенья был какой-то странный. Оно явственно отдавало аммиаком.

Фабрикант решил подождать до возвращения с воскресной службы и уже тогда надрать Сигрид уши. А пока ограничился тем, что велел принести еще стакан молока, чтобы запить этот гадкий привкус.

• • •

Так Аллан Карлсон оказался в Испании.

Они с Эстебаном добирались туда три месяца, через всю Европу, и по пути встретили негров в таком количестве, о котором Аллан не мог и мечтать. Но после первого же встреченного потерял к ним всякий интерес. Оказалось, ничего особенного, просто кожа другого цвета, да еще говор у них чудной, так это и у белых сплошь и рядом, особенно в Смоланде и южнее. Видать, этот Лундборг в раннем детстве негра увидал и крепко напугался.

Испанию Аллан с другом Эстебаном застали в полном хаосе. Король сбежал в Рим, его сменила республика. Слева кричали «revolucion», а справа опасались того, что произошло в сталинской России. Неужели и тут такое повторится?

Эстебан, забыв, что его друг непрошибаемо аполитичен, снова попытался увлечь Аллана на сторону революции, но тот, как водится, уперся. Эту песенку он слышал еще дома и до сих пор не возьмет в толк, зачем вечно менять шило на мыло.

Тут последовал неудачный военный переворот справа и успешная всеобщая забастовка слева. Потом в стране прошли выборы. Левые победили, а правые на них окрысились, или наоборот, Аллан толком не вник. Как бы то ни было, началась война.

Находясь в чужой стране, Аллан почитал за лучшее держаться друга Эстебана, который, в свою очередь, завербовался в армию и немедленно получил звание сержанта, едва взводному стало известно, что новобранец умеет заставлять разные вещи взлетать на воздух.

Алланов друг с гордостью носил форму и не мог дождаться, когда сможет и сам поучаствовать в войне. Взвод получил приказ подорвать парочку мостов через ущелье в Арагоне, и к первому мосту отправили группу Эстебана. Эстебан так воодушевился оказанным доверием, что влез на скалу и, схватив винтовку в левую руку, поднял ее к небу и воскликнул:

– Смерть фашизму, смерть всем фашист…

Эстебан еще заканчивал фразу, когда ему оторвало голову и часть плеча гранатой, возможно, самой первой на этой войне. Аллан находился метрах в двадцати и лишь благодаря этому не был забрызган ошметками товарища, разлетевшимися со скалы, на которую Эстебан так опрометчиво взобрался. Один из рядовых заплакал. Сам Аллан, поглядев на то, во что превратился друг, решил, что воздавать этому почести вряд ли уже есть смысл.

– Оставался бы ты в Хеллефорснесе, – сказал Аллан, и ему люто захотелось поколоть дрова возле юксхюльтской избушки.

• • •

Граната, ставшая для Эстебана роковой, была, может, и первой, но далеко не последней. Пока Аллан раздумывал, как бы ему воротиться домой, война полыхала уже повсюду. К тому же прогулка до Швеции получилась бы далековатая – да и кто его там ждет?

Поэтому Аллан обратился к ротному командиру Эстебана, скромно представился лучшим сапером в Европе и сказал, что готов подумать насчет взрывания мостов и иной инфраструктуры в интересах ротного в обмен на ежедневное трехразовое питание и одноразовую выпивку, когда это позволяют обстоятельства.

Ротный прикидывал, не пустить ли Аллана в расход, потому что тот упрямо отказывался петь дифирамбы социализму и республике, да еще и сражаться желал в штатской одежде. Или, как выразился сам Аллан:

– И еще одна вещь… Если я стану взрывать для тебя мосты, то буду это делать в своей собственной кофте, а иначе можешь взрывать их сам.

Вообще говоря, не родился еще такой ротный, который позволил бы штафирке собой помыкать. Но у данного конкретного ротного имелась проблема – самого лучшего его подрывника не так давно разнесло в клочья вокруг скалы на ближней высоте.

Пока ротный сидел в своем складном военном кресле и обдумывал ближайшее будущее Аллана, выбирая между расстрелом и новым назначением, один из взводных командиров позволил себе шепнуть в начальственное ухо, что молодой сержант, которого, к несчастью, не так давно разорвало на куски, рекомендовал вот этого странного шведа как мастера взрывного дела.

Это решило вопрос. Сеньор Карлсон получает а) жизнь, б) трехразовое питание, в) право носить гражданскую одежду и г) право наряду с прочими время от времени прикладываться к вину (в разумных пределах). Взамен от него требуется взрывать именно то, что прикажет ему командир. Кроме того, двум рядовым поручалось не спускать со шведа глаз, потому как по-прежнему не исключалось, что он шпион.

Месяц за месяцем прошел год. Аллан взрывал все, что требовалось взорвать, и делал это весьма искусно. Работа была далеко не безопасной. Зачастую приходилось ползком подбираться к очередному объекту, применять заряд с часовым механизмом, а затем короткими перебежками отступать в безопасное место. Через три месяца одного из двух присматривавших за Алланом солдат убили (он заполз по ошибке в лагерь противника). Спустя еще полгода погиб и другой (выпрямился, расправляя спину, и тотчас схлопотал пулю ровно посередке). Ротный не дал себе труда искать им замену – до сих пор сеньор Карлсон вел себя просто примерно.

Аллан не видел смысла отправлять людей на тот свет без особой надобности и поэтому обычно следил, чтобы на соответствующем мосту к моменту, когда тот должен взлететь на воздух, никого не было. Как было, например, с тем последним мостом, который Аллан успел заминировать, прежде чем окончилась война. В тот раз он только-только управился и отполз назад в кусты позади одной из мостовых опор, как показался, чеканя шаг, патруль противника, а посередке шел невысокий человечек с медалями на груди. Группа приближалась с другого берега и, похоже, не подозревала, что республиканцы совсем рядом, а тем более – что сама она вот-вот составит компанию в вечности Эстебану и десяткам тысяч других испанцев. Но Аллан решил, что это, пожалуй, лишнее. И, поднявшись из-за куста, принялся размахивать руками.

– Уходите! – завопил он медалистому человечку и его свите. – Бегом отсюда, быстро, пока не взлетели на воздух!

Медалистый попятился, но свита взяла его в кольцо. И потащила вперед по мосту, не останавливаясь, пока не поравнялась с кустом Аллана. Восемь винтовок прицелилось в шведа, и как минимум одна в него бы выстрелила, не взлети в этот миг мост позади них на воздух. Взрывной волной медаленосца швырнуло в тот самый куст, у которого стоял Аллан. В образовавшейся куче-мале никто из приближенных человечка пустить в Аллана пулю не решился, опасаясь попасть в кого не надо. К тому же перед ними, похоже, был штатский. А когда дым рассеялся, о том, чтобы отправить Аллана на тот свет, уже и речи не шло. Человечек с медалями взял Аллана за руку и заверил: настоящий генерал знает, как выразить свою признательность, а теперь хорошо бы перебраться обратно на тот берег, хоть по мосту, хоть без. И если его спаситель за ними последует, то будет более чем желанным гостем у генерала на ужине.

– Паэлья по-андалузски, – сказал генерал. – Мой повар родом с юга. ?Comprende?

Еще бы Аллан не понимал! Он понимал, что только что спас жизнь самому general?simo и что, на свое счастье, предстал перед ним в замурзанной кофте, а не в униформе противника, понимал, что его боевые товарищи стоят на холме в нескольких сотнях метров отсюда и наблюдают за происходящим в бинокли, а еще он понимал, что ради собственного здоровья есть резон перейти на другую сторону в этой войне, смысла которой он до сих пор так и не понял.

– S?, por favor, m? general, – сказал Аллан. – Паэлья совершенно не повредила бы… А к ней, может, бокал-другой красного вина?

• • •

Когда десять лет назад Аллан попросился на должность взрывотехника на Хеллефорснесском литейном заводике, он предпочел вычеркнуть из своего послужного списка некоторые подробности, например, что он четыре года просидел в сумасшедшем доме, а потом взорвал свой собственный. Возможно, именно поэтому собеседование с работодателем прошло успешно.

Аллан припомнил это, когда разговаривал с генералом Франко. С одной стороны, обманывать вроде нехорошо. С другой стороны, есть ли смысл сообщать генералу, что Аллан сам и заложил взрывчатку под мост и что прослужил три года на гражданской должности в республиканской армии? Не то чтобы Аллан так уж сильно боялся, но на кону все-таки стоял ужин с выпивкой.

Когда тебе предлагают поесть и выпить, то правду можно на время и в сторонку отодвинуть, решил Аллан и навешал генералу лапши на оба уха.

И вышло, что Аллан оказался за кустом, убегая от республиканцев, что он сам видел, как мост минировали, и это счастье, потому что иначе он не смог бы предупредить генерала.

Почему Аллан очутился в Испании? Его сманил сюда приятель, имевший тесные связи с покойным Примо де Риверой. Но поскольку друг погиб от вражеской гранаты, Аллану ничего не оставалось, как сражаться в одиночку, чтобы не погибнуть. Он угодил в лапы республиканцев, но ухитрился вырваться.

Тут Аллан оперативно сменил тему и поведал, что его отец был одним из приближенных русского царя Николая и принял мученическую смерть в неравном бою с вождем большевиков Лениным.

Ужин подали в палатке генерального штаба. По мере поступления красного вина в организм Аллана описания отцовского геройства делались все более красочными. Больше растрогать генерала Франко вряд ли кому бы удалось. Сперва этот человек спас ему жизнь, а потом оказался чуть ли не родственником царя Николая II!

Угощение оказалось поистине изысканным – иного андалузский повар себе бы и не позволил. Вино лилось рекой за бесконечной чередой тостов – за Аллана, за отца Аллана, за царя Николая и за царскую семью. Наконец генерал уснул, обняв Аллана в подтверждение того, что они теперь на «ты» и без чинов.

А когда оба проснулись, война уже кончилась. Генерал Франко взял на себя управление новой Испанией и предложил Аллану должность начальника собственной охраны. Аллан поблагодарил за честь, но отказался: пора возвращаться домой, пусть уж Франсиско его извинит. Франсиско извинил, выписал другу охранную грамоту, гарантирующую безграничное покровительство генералиссимуса («только покажи мое письмо, если тебе понадобится помощь»), и предоставил ему роскошный эскорт до самого Лиссабона, откуда, по мнению генерала, наверняка ходят корабли на север. Корабли из Лиссабона, как оказалось, ходили во всех мыслимых направлениях. Аллан остановился на набережной и призадумался. Потом помахал письмом генерала перед носом у капитана одного из судов под испанским флагом – и тут же был принят на борт безвозмездно. О том, чтобы предложить ему поработать за стол и проезд, никто даже не заикнулся.

Ни в какую Швецию судно, разумеется, не направлялось, но еще стоя на набережной, Аллан задался вопросом, что ему в Швеции делать, – и не нашел вразумительного ответа.

Глава 8

Вторник, 3 мая – среда, 4 мая 2005 года

После вечерней пресс-конференции Хлам взял пива и сел думать. Но сколько ни думал, понятнее не становилось. Что ли Болт похитил столетнего деда? Или одно к другому отношения не имеет? От раздумий у Хлама разболелась голова, так что он бросил это дело и, позвонив Шефу, доложил, что доложить ему вообще-то нечего. И получил приказ не покидать Мальмчёпинг и ждать дальнейших указаний.

Закончив разговор, Хлам вновь остался наедине со своим пивом. Ситуация складывалась препаршивейшая, Хлама бесило, что он не понимает ровным счетом ничего, и голова разбаливалась все больше. И он унесся в мыслях из дня нынешнего в дни былые: сидел и вспоминал юные годы в родном краю.

Хлам начал свою криминальную карьеру в Браосе, всего в паре миль от места, где теперь оказались Аллан и его новые друзья. Там Хлам, объединившись с несколькими единомышленниками, создал байкерский клуб «The Violence». Хлам был в нем главным: это он решал, какой ларек подлежит очередному взлому и конфискации сигарет. Название «The Violence» – «Насилие» – придумал тоже он. И он же имел несчастье поручить своей девчонке, чтобы вышила название байкерского клуба на десяти краденых кожаных косухах. Девчонка – звали ее Исабелла – грамотно писать в школе так и не выучилась, даже по-шведски, не то что по-английски.

Так и получилось, что Исабелла вышила на всех косухах «The Violins»[5 - «Скрипки» (англ.); на слух звучит почти так же, как «The Violence».]. А поскольку школьная успеваемость остальных членов клуба находилась примерно на том же уровне, никто ничего и не заметил.

Поэтому всех повергло в изумление письмо, которое в один прекрасный день пришло в адрес «The Violins» в Браосе от руководства концертного зала в Векшё. Отправители интересовались, не занимается ли клуб классической музыкой и если да, то не хотел бы он принять участие в концерте вместе с прославленным городским камерным оркестром «Musica Vitae».

Глубоко уязвленный Хлам решил, что это чья-то дурацкая шутка, и, отменив взлом очередного табачного ларька, поехал в Векшё – запустить булыжником из мостовой в двери концертного зала и тем поставить на место его зарвавшееся руководство.

Все шло по плану, покуда в момент броска кожаная перчатка не слетела с руки Хлама и не приземлилась в фойе вместе с булыжником. Тотчас поднялась тревога, так что вернуть упомянутую деталь гардероба не удалось.

Остаться без перчатки было скверно. В Векшё ведь он приехал на мотоцикле, и всю обратную дорогу рука у Хлама отчаянно мерзла. Но хуже другое – злополучная девчонка старательно вывела на перчатке имя и адрес Хлама, на случай потери. Поэтому уже наутро приехала полиция и увезла Хлама на допрос. На допросе Хлам объяснил, что руководство концертного зала само его спровоцировало. Между тем история, как «The Violence» превратились в «The Violins», попала в газету «Смоландспостен», и Хлам стал посмешищем для всего Браоса. От ярости он решил сжечь очередной ларек вместо того, чтобы, как обычно, ограничиться взломом. В результате болгарский турок, владелец ларька, устроившийся спать внутри, чтобы стеречь свое добро от воров, едва не расстался с жизнью. На месте преступления Хлам потерял другую свою перчатку (также аккуратно подписанную) – и спустя некоторое время впервые угодил за решетку. Там-то он и повстречал Шефа и, отсидев срок, почел за лучшее оставить и Браос, и подружку. Впрочем, клуб «The Violence» продолжил существование и по-прежнему щеголял в тех же скрипичных косухах. В последнее время клуб переключился на угон автомобилей с дальнейшим скручиванием спидометра. Что имело безусловный экономический смысл. Или, как выразился новый глава клуба и младший брат Хлама, «ничто так не украшает тачку, как вдвое меньший пробег».

Хлам время от времени контактировал с братом и всей компанией, но особой ностальгии по прежней жизни не испытывал.

– Нет уж, на фиг, – подытожил Хлам свои воспоминания.

Думать что о настоящем, что о прошлом было тягостно. Лучше взять еще пива, а потом, как велел Шеф, вписаться в гостиницу.

• • •

Уже почти стемнело, когда комиссар Аронсон вместе с инструктором-кинологом и полицейской собакой Кикки после долгой пешей прогулки вдоль железнодорожных путей от самого Видчэрра подошли наконец к Окерскому Заводу.

Собака всю дорогу ни на что не реагировала. Но когда троица приблизилась к брошенной дрезине, собака сделала стойку, или как это у них называется. А потом подняла лапу и залаяла. В душе Аронсона затеплилась надежда.

– Это что-то значит? – спросил он.

– Несомненно, – ответил кинолог.

И объяснил, что у Кикки есть разные способы указывать на объект, в зависимости от того, что она хочет сообщить.

– Так расскажите, что она имеет в виду! – сказал комиссар Аронсон, которого охватывало все большее нетерпение, и указал на собаку, по-прежнему лаявшую, стоя на трех ногах.

– Это, – сказал кинолог, – означает, что на дрезине находилось мертвое тело.

– Мертвое тело? Труп?

– Труп.

В первый миг комиссар Аронсон увидел внутренним взором, как член группировки «Never Again» убивает несчастного столетнего старца. Но потом новая информация соединилась с уже имеющейся.

– Да наверняка все наоборот, – пробормотал он и ощутил явное облегчение.

• • •

Прекрасная подала котлеты с картошкой и брусничным соусом, а к ним – пиво и настойку, «Старую датскую». Гости успели проголодаться, но прежде ужина хотели узнать, что это за зверь у нее в хлеву так ревет.

– Это Соня, – сказала Прекрасная. – Моя слониха.

– Слониха? – сказал Юлиус.

– Слониха? – сказал Аллан.

– Кажется, я догадался по голосу, – сказал Бенни.

Бывшего владельца уличной закусочной постигла любовь с первого взгляда. И теперь, уже со второго взгляда, ничего в этом отношении не изменилось. Непрерывно сквернословящая рыжая и пышногрудая хозяйка словно сошла со страниц какого-нибудь романа Арто Паасилинны! У этого финна, правда, нигде не написано про слонов, но это, решил Бенни, дело времени.

Слониха появилась тут год назад – августовским утром она стояла в саду Прекрасной и обрывала яблоки с деревьев. Умей она говорить, она рассказала бы, что накануне вечером сбежала из цирка в Векшё, потому что ей захотелось пить, – но служителю, приставленному к слонихе, захотелось того же, и он, вместо того чтобы исполнять свои обязанности, отправился в город.

В сумерках слониха пришла к озеру Хельгашён и решилась на большее, нежели просто утолить жажду. Прохладная ванна тоже не помешает, подумала слониха и побрела по мелководью.

Тут отмель неожиданно кончилась, и слонихе пришлось воспользоваться врожденным умением плавать. Логика слонов, как правило, отличается от человеческой, и слониха подтвердила это, переплыв на другую сторону залива шириной два с половиной километра ради того, чтобы снова выбраться на берег, – вместо того чтобы развернуться к берегу, который был от нее в четырех метрах.

Эта слоновья логика повлекла за собой два следствия. Первое состояло в том, что тотчас была констатирована гибель слонихи – персоналом цирка и полицией, которая в конце концов прошла по слонихиным следам до самого озера и залива пятнадцати метров в глубину. А второе – что в высшей степени живая слониха, никем не замеченная под покровом темноты, добрела до яблони в саду Прекрасной.

Всех этих подробностей Прекрасная, разумеется, не знала, но догадалась, когда прочитала о пропавшей и якобы погибшей слонихе. Прекрасная подумала, что у них в округе сейчас вряд ли бродит так уж много слонов, и предположила, что погибшая слониха и нынешняя, в высшей степени живая и находящаяся под ее присмотром, – наверняка одна и та же особь.

Прекрасная начала с того, что дала слонихе имя. Назвала ее Соней, в честь своего кумира Сони Хеденбратт[6 - Соня Хеденбратт-Булин (1931–2001) – известная шведская джазовая певица и актриса с колоритной «фольклорной» фактурой.]. Затем последовало несколько дней разборок между Соней и овчаркой Бастером, прежде чем оба смирились с фактом существования друг друга.

Потом наступила зима с вечным поиском еды для несчастной Сони, которая ела, соответственно, как слон. Очень кстати старик отец Прекрасной приказал долго жить и оставил миллион крон в наследство своей единственной дочери (двадцать лет назад уходя на пенсию, он продал свое успешное предприятие по производству щеток, а затем удачно распорядился деньгами). Теперь Прекрасная смогла оставить работу в регистратуре поликлиники в Роттне и все свое время посвятить деткам – собаке и слонихе.

Потом пришла весна, и Соня снова смогла кормиться травой и листьями, а потом во двор приехал этот вот «мерседес» – первая машина после визита покойного отца два года назад. Прекрасная не имела обыкновения спорить с судьбой, поэтому ей никогда и в голову не приходило прятать Соню от посторонних.

Аллан и Юлиус сидели молча, осмысляя рассказ Прекрасной, а Бенни спросил:

– Но почему Соня так ревела? Наверняка у нее что-то болит.

Прекрасная изумленно вытаращила глаза:

– А это-то ты как расслышал, едрена сатана?

Бенни ответил не сразу. Сперва он приступил к еде, чтобы выгадать время для раздумий. После чего сообщил:

– Я ведь почти ветеринар. Какую версию желаете – длинную или короткую?

Все согласились, что длинная версия лучше, но Прекрасная сказала, что сначала они с Бенни сходят в хлев и почти ветеринар осмотрит Сонину левую переднюю ступню.

За столом остались только Аллан и Юлиус, оба недоумевали, как ветеринар с конским хвостом вдруг оказался незадачливым владельцем уличной закусочной в сёдерманландской глуши. Ветеринар с конским хвостом – кстати, это вам как? Правду говорят – порвалась связь времен. То ли дело при Гуннаре Стрэнге[7 - Гуннар Стрэнг (1906–1992) – шведский политик, депутат риксдага от социал-демократов, в разное время занимал высокие государственные посты, в том числе министерские; последняя должность – министр финансов (1955–1976).], тогда издали, бывало, видишь, у кого какая профессия.

– Представляешь – министр финансов с конским хвостом, – захихикал Юлиус. – Нет, вообще…

Бенни уверенно провел первичный осмотр Сони: ему уже приходилось заниматься подобным во время практики в Кольморденском зоопарке. Под вторым ногтем застряла веточка, отчего часть стопы воспалилась. Прекрасная попыталась вытащить занозу, но сил у нее не хватило. Бенни же это сделал за две минуты – при посредстве спокойной беседы с Соней и регулируемых пассатижей. Осталось снять воспаление.

– Нужны антибиотики, – сказал Бенни. – Примерно с килограмм.

– Ты только скажи, что именно нужно, а рецепты я беру на себя, – сказала Прекрасная.

Но ехать за рецептами следовало ночью, и чтобы скоротать время до поездки, Бенни и Прекрасная присоединились к общему застолью.

Все ели с большим аппетитом, запивая ужин пивом и «Старой датской», кроме Бенни – он пил сок. Поужинав, все переместились в гостиную, в кресла у камина, и предложили Бенни развить начатую тему и рассказать, почему он почти

ветеринар.

Дело в том, что Бенни и его старший на год брат Буссе, оба из Эншеде, южного пригорода Стокгольма, в детстве проводили лето за летом у дяди Франка в Далекарлии. Дядюшка – которого никогда не называли иначе как Фрассе – был успешный предприниматель, владевший и руководивший целым рядом местных фирм. Дядюшка Фрассе торговал всем, от трейлеров до гравия, включая большую часть того, что попадает в интервал между тем и другим. Кроме сна и еды в его жизни существовала только работа. За плечами у него было несколько неудачных романов, потому что все женщины очень скоро уставали от дядюшки Фрассе, который только и делал, что работал, ел и спал (а по воскресеньям принимал душ).

Тем не менее в шестидесятые годы Бенни и Буссе регулярно ездили к дядюшке Фрассе на лето – их отец, старший брат Фрассе, считал, что детям нужен свежий воздух. С этим пунктом, впрочем, вышло так себе, потому как племянников тут же стали учить работать на камнедробилке в гравийном карьере дядюшки Фрассе. Мальчишкам это нравилось, несмотря на то что работа была тяжелая и дышать приходилось больше пылью, чем воздухом. Вечером дядюшка угощал их ужином и моралью, причем излюбленной темой у дядюшки было: «Вы уж выучитесь получше, ребятки, не то закончите как я».

Ни Бенни, ни Буссе не считали, что это так уж страшно – закончить как дядюшка Фрассе, по крайней мере, пока тот по оплошности не погиб внутри той самой камнедробилки, – однако дядюшка всю жизнь терзался тем, что недоучился в школе. Он едва умел писать, с трудом считал, не понимал ни слова по-английски и с грехом пополам мог сообщить, что столица Норвегии зовется Осло, взбреди кому-нибудь его об этом спросить. Единственное, в чем он соображал, был бизнес, благодаря которому дядюшка и сделался богат, как тролль.

Точный размер дядюшкиного состояния на момент кончины остался неизвестен. Погиб он, когда Буссе было девятнадцать, а Бенни почти стукнуло восемнадцать. Им позвонил адвокат и сообщил, что они оба упомянуты в завещании, но что тут есть свои тонкости, требующие очной встречи.

Буссе и Бенни встретились с адвокатом в его адвокатской конторе, где и узнали, что каждого из них ожидает неизвестная им, но значительная денежная сумма и достанется она им в день завершения обоими постгимназического образования.

Мало того – братьям под контролем адвоката будет ежемесячно выдаваться солидное индексируемое содержание в течение всего времени обучения, вот только учеба не должна прерываться, иначе выдача пособия прекратится, равно как прекратится она и для того из братьев, который завершит свое образование и сдаст соответствующие экзамены – ведь тогда он сможет сам себя обеспечивать. Ну, в завещании говорилось не только это, там были и другие более-менее заковыристые детали, но в общем все сводилось к тому, что братья разбогатеют, как только оба выучатся.

Буссе и Бенни тут же записались на семинедельные курсы сварщиков и получили от адвоката заверения, что, исходя из текста завещания, этого достаточно, «хотя, по-моему, ваш дядя Франк подразумевал что-то более фундаментальное».

Но на полпути к курсам произошли две вещи. Во-первых, Бенни окончательно надоело, что старший брат им вечно помыкает. Он столько лет терпел, а теперь хватит: они оба без пяти минут взрослые, так что пусть шпыняет кого-нибудь другого.

Во-вторых, Бенни вдруг понял, что ему совсем не хочется быть сварщиком, а способности его к этому делу столь скромны, что вряд ли позволят доучиться на курсах до конца.

Из-за этого братья некоторое время грызлись, пока Бенни не умудрился записаться на курс ботаники в Стокгольмском университете. По мнению адвоката, смена учебной специальности завещание однозначно допускало, лишь бы учеба не прерывалась.

Буссе успел завершить свое сварщицкое образование, однако не получил из дядюшкиных денег ни единого эре, поскольку братец Бенни продолжал учиться. К тому же адвокат в соответствии с завещанием прекратил ежемесячные выплаты Буссе – в соответствии с буквой завещания.

Тут уж братья разругались по-настоящему. Когда же Буссе как-то под вечер по пьяному делу размолотил ногами шикарный новенький 125-кубовый мотоцикл Бенни (приобретенный на щедро выплачиваемое содержание), братской любви пришел конец, окончательный и бесповоротный.

Буссе занялся бизнесом в духе дядюшки Фрассе, впрочем, имея к этому куда меньше талантов. Через какое-то время он перебрался в Вестергётланд, отчасти чтобы дать бизнесу новый старт, а отчасти – чтобы не видеть больше проклятого братца. Тем временем Бенни год за годом продолжал вращаться в университетских кругах. Ведь ежемесячное содержание, как сказано, было приличное, и, бросая курс перед самым экзаменом и выбирая себе все новые специальности, Бенни жил и не тужил, пока его братец, задира и дуралей, дожидался своих денежек.

Таким манером Бенни прожил тридцать лет, пока однажды ему не позвонил престарелый адвокат и не сообщил, что наследственные деньги кончились, что больше никаких ежемесячных выплат не будет и, разумеется, никаких других доступных денежных средств тоже больше нет. Так что братья могут попросту забыть про это наследство, сообщил адвокат, к этому времени уже достигший девяноста лет и не привязанный к жизни, похоже, ничем иным, кроме этого завещания, потому что всего две недели спустя он скончался в своем кресле перед телевизором.

Это случилось несколько месяцев назад – и Бенни впервые пришлось искать работу. Но одного из самых образованных людей Швеции ожидало разочарование: на рынке труда котировалось не количество лет обучения, а подтвержденный диплом.

Бенни, почти сдавший минимум десять академических экзаменов, был вынужден потратиться на покупку уличной закусочной, чтобы иметь хоть какое-то занятие. Бенни и Буссе, кстати, пообщались по телефону в связи с полученным от адвоката известием, что все наследство ушло на учебу. Интонации у Буссе при этом были такие, что планов навестить брата в ближайшем будущем у Бенни не возникло.

Тут Юлиус напрягся, опасаясь очередных слишком прицельных вопросов Прекрасной, например, как именно Бенни оказался в компании Юлиуса и Аллана. Но Прекрасная, спасибо пиву и «Старой датской», не слишком вдавалась в детали. Зато ей казалось – она вот-вот влюбится на старости лет.

– А кем ты еще успел почти стать, кроме ветеринара? – спросила она с заблестевшими глазами.

Бенни понимал, как и Юлиус, что события последних дней не требуют детального изложения, и поэтому обрадовался новому направлению, которое Прекрасная задала беседе своим вопросом. Ну, все-то он вряд ли вспомнит, сказал Бенни, за тридцать лет учебы можно ведь немалого добиться, если время от времени делать домашние задания. По крайней мере Бенни точно знает, что он почти ветеринар, почти врач-терапевт, почти архитектор, почти инженер, почти ботаник, почти филолог-преподаватель, почти тренер, почти историк и еще целая уйма прочих «почти». Это не считая ряда почти пройденных разных курсов, различного качества и важности. К тому же его можно смело назвать почти зубрилой, потому что несколько курсов он освоил одновременно, за один и тот же семестр.

Тут Бенни вспомнил, почти кем он является еще и о чем почти забыл. Он поднялся и, обратясь в сторону Прекрасной, продекламировал:

В нищей и темной моей судьбе,

В глухой одинокой ночи без сна

Запеваю ныне песнь о тебе,

Мой светоч, моя жена!

Воцарилось молчание, только Прекрасная еле слышно выругалась, залившись румянцем.

– Эрик Аксель Карлфельдт, – пояснил Бенни. – Я воспользовался его словами, чтобы поблагодарить за ужин и за тепло. Я не говорил вроде бы, что я еще и почти литературовед?

После чего Бенни зашел, пожалуй, слишком далеко, пригласив Прекрасную на танец перед камином, поскольку она ответила решительным отказом, объяснив, что есть же какие-то рамки, черт побери. Но Юлиус заметил, что Прекрасной это польстило. Она обдернула спортивную куртку на боках и подтянула молнию, чтобы предстать перед Бенни во всем блеске своей красоты.

Затем Аллан поблагодарил за ужин и откланялся, а оставшимся предложили кофе – если угодно, с коньяком. Юлиус охотно принял полный пакет предложений, а Бенни ограничился первой половиной.

Юлиус засыпал Прекрасную градом вопросов: и про хутор, и про ее собственную историю – отчасти из любопытства, а отчасти чтобы самому не рассказывать, кто они такие, куда направляются и по какой причине. Всего этого он успешно избежал, потому что Прекрасная разошлась и заговорила о своем детстве, о мужчине, за которого вышла восемнадцатилетней, а через десять лет выгнала (эта часть повествования особенно изобиловала кощунственной лексикой), о том, что детей у нее никогда не было, о Шёторпе, служившем родителям дачей, пока мать не умерла семь лет назад и отец не отдал хутор Прекрасной насовсем, о глубоко неувлекательной работе в регистратуре поликлиники в Роттне и о том, что полученные в наследство денежки подошли к концу, так что пора уже податься отсюда куда-нибудь еще.

– Мне ведь как-никак сорок три, – призналась Прекрасная. – Считай, на полпути к могиле, едрена сатана!

– В таких делах наверняка не знаешь, – осторожно заметил Юлиус.

• • •

Инструктор-кинолог дал Кикки новое задание, и она, ведя носом по земле, пошла в сторону от дрезины. Комиссар Аронсон надеялся, что соответствующий труп наверняка вскоре появится где-нибудь поблизости, но собака, пройдя каких-то тридцать метров вглубь заводской территории, забегала кругами, тыкаясь наобум туда-сюда, после чего умоляюще глянула на своего инструктора.

– Кикки просит прощения, но она не может сказать, куда направился труп, – перевел кинолог.

Однако перевод был довольно приблизительным. Комиссар Аронсон понял его в том смысле, что Кикки потеряла след еще возле дрезины. Но если бы Кикки могла говорить, она бы сказала, что тело совершенно точно несли еще на некоторое количество метров, прежде чем оно куда-то подевалось. Тогда бы комиссар Аронсон стал выяснять, какой транспорт уходил с завода в течение последних нескольких часов. Ответ оказался бы вполне определенным: за это время ушла только одна машина, тяжелая фура с прицепом, на Гётеборг, для дальнейшей перегрузки в порту. Если бы не это «бы», то были бы оповещены все полицейские посты вдоль трассы Е-20 и фуру успели бы тормознуть на обочине

где-нибудь в районе Тролльхэттана. А теперь труп уже покинул пределы страны.

Всего три недели спустя молодой египетский охранник сидел в грузовом трюме парома, который только что миновал Суэцкий канал, и мучился от невыносимой вони. Наконец он не выдержал. Намочил тряпку, обвязал ею рот и нос. И открыв один из деревянных пеналов, все понял. Там лежал полуразложившийся труп.

Египтянин призадумался. Идея оставить труп на месте, чтобы тот отравил ему оставшийся путь, привлекала его не слишком. К тому же в этом случае ему самому не избежать длительного полицейского допроса в Джибути, а что такое полиция в Джибути, это всякий знает.

Вариант выкинуть эту падаль тоже не радовал, но в конце концов охранник решился. Сперва вынул из карманов трупа все мало-мальски ценное – за труды человеку что-то ведь тоже полагается, – а потом спихнул тело за борт.

И то, что некогда было долговязым малым с длинными светлыми сальными волосами, всклокоченной бородой и в джинсовой куртке с надписью «Never Again» на спине, с легким всплеском превратилось в корм для рыб Красного моря.

• • •

Компания в Шёторпе разошлась около полуночи. Юлиус ушел спать на второй этаж, а Бенни и Прекрасная уселись в «мерседес», чтобы посетить поликлинику в Роттне после ее закрытия. Уже проехав полдороги, они обнаружили на заднем сиденье Аллана под одеялом. Аллан проснулся и объяснил, что поначалу вышел подышать свежим воздухом, а потом решил воспользоваться машиной в качестве спальни, ведь с его коленками подниматься снова на второй этаж – это чересчур, денек и без того выдался ох какой долгий.

– Мне же как-никак не девяносто лет, – напомнил он.

Так дуэт на ночном задании превратился в трио, но это мало что меняло. Прекрасная изложила свой план несколько более подробно. Им следует проникнуть в поликлинику с помощью ключа, который Прекрасная забыла вернуть, когда увольнялась. Там надо будет залогиниться на компьютере

доктора Эрландсона и от имени Эрландсона выписать рецепт на антибиотики на имя Прекрасной. Понадобятся, разумеется, его логин и пароль, но с этим никаких проблем не будет, сообщила Прекрасная, потому что доктор Эрландсон мало того что надутый индюк, он еще и адский болван. Когда их поликлинику компьютеризировали, именно Прекрасная объяснила доктору, как выписывать электронный рецепт, и она же придумала ему и логин, и пароль.

«Мерседес» подъехал к месту задуманного преступления. Бенни, Аллан и Прекрасная вышли из машины – оценить обстановку, прежде чем перейти к действиям. И что характерно – как раз мимо проехал автомобиль, причем водитель посмотрел на трио с таким же изумлением, с каким вся троица воззрилась на него. В Роттне и одно-единственное живое существо, которое не спит после полуночи, уже сенсация. А в эту ночь таких оказалось в четыре раза больше.

Автомобиль скрылся, и на местечко вновь опустилась темнота и тишина. Прекрасная провела Бенни и Аллана в поликлинику через служебный вход и далее в кабинет доктора Эрландсона. Там она включила компьютер доктора Эрландсона и залогинилась.

Все шло по плану, и Прекрасная радостно хихикнула, прежде чем разразиться продолжительной кощунственной тирадой: вдруг оказалось, что выписать рецепт на «кило антибиотиков» просто так не получается.

– Пиши – эритромицин, рифамин, гентамицин и рифампин, по двести пятьдесят граммов каждого, – подсказал Бенни. – Так мы купируем воспаление сразу с двух сторон.

Прекрасная глянула на Бенни с восхищением. Потом предложила ему сесть и самому вписать то, что он только что сказал. Бенни сделал это и еще добавил некоторое количество средств первой помощи – на всякий случай, чтобы два раза не приезжать.

Выбраться из поликлиники оказалось не сложнее, чем туда проникнуть. И дорога домой прошла без инцидентов. Бенни и Прекрасная помогли Аллану подняться наверх, и когда стрелки часов приблизились к половине второго ночи, в Шёторпе погасла последняя лампа.

Бодрствуют в такое время немногие. Но в Браосе, что в паре миль от Шёторпа, один молодой человек лежал без сна, изнемогая от мучительного желания покурить. Это был младший братец Хлама, новый глава «The Violence»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бреннвин – спиртное крепче 40 градусов. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Речь идет об известной театральной труппе «Театр „Веселый Худик“» (Glada Hudik-teatern), ее актеры – уроженцы лена Худиксваль с нарушениями развития.

3

Брантинг, Карл Яльмар (1860–1925) – шведский политик, первый премьер от партии социал-демократов (1920).

4

Протяженность шведской мили – десять километров.

5

«Скрипки» (англ.); на слух звучит почти так же, как «The Violence».

6

Соня Хеденбратт-Булин (1931–2001) – известная шведская джазовая певица и актриса с колоритной «фольклорной» фактурой.

7

Гуннар Стрэнг (1906–1992) – шведский политик, депутат риксдага от социал-демократов, в разное время занимал высокие государственные посты, в том числе министерские; последняя должность – министр финансов (1955–1976).

Купить: https://tellnovel.com/ru/yunasson_yunas/sto-let-i-chemodan-deneg-v-pridachu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить